

Евфимий Алексеевич Болховитинов

История княжества Псковского

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181869

*История княжества Псковского. / Болховитинов Е. А.: Кучково поле; Евробонд; Москва; 2012
ISBN 978-5-9950-0326-7*

Аннотация

«История княжества Псковского» митрополита Киевского и Галицкого Евгения (в миру Евфимия Алексеевича Болховитинова, 1767–1837), члена Российской академии наук, церковного историка, – первая полная история Пскова. Она написана на основе изучения архивов и топонимики Пскова, в том числе раскопок, а также русских, лифляндских, курляндских, эстляндских и полученных с помощью графа Н. П. Румянцева немецких летописей (указанных в начале части четвертой).

Первая часть труда – общая история княжества; вторая – сведения о псковских князьях, наместниках, губернаторах; третья – история псковской иерархии; в четвертой помещена сокращенная псковская летопись.

Содержание

От сочинителя читателям	5
Часть первая	6
I. О начальном поселении славян в Изборском княжестве	6
II. О правлении изборских славян	8
III. О начале города Пскова, устройении и населении его	10
IV. О земском разделении и устройении Псковского княжества	15
V. Об образе правления Псковского княжества	17
VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских	21
VII. О гербе и печатях псковских	23
VIII. О воинской силе псковской	25
IX. о торговле псковской	26
X. О монете псковской	28
XI. О разных поколениях псковских князей и о важнейших происшествиях при них	30
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евфимий Алексеевич Болховитинов

История княжества Псковского

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

От сочинителя читателям

Живши около шести лет в древнем княжеском городе Пскове, я старался узнать историю одного и для того собирал, сколько мог, из русских и иностранных летописей сведения о нем. Из сих-то сведений составил я предлагаемую книгу в четырех частях. В первой поместил я *общую историю о Псковском княжестве и частную – о городе Пскове*. Во второй – *о псковских князьях, наместниках великокняжеских, посадниках, тысяцких и новейших губернских начальниках*. В третьей – *историю псковской церковной иерархии*. В четвертой – *сокращенную Псковскую летопись* о всех подробных происшествиях, о коих сведения дошли до нас и кои не могли войти в предыдущие части сей моей истории, дабы не распространить оной. Если сей труд мой принесет удовольствие соотечественникам, и особенно псковичам, то я довольно буду награжден за оный.

Е. А. Болховитинов

Часть первая

I. О начальном поселении славян в Изборском княжестве

Славяне, в V столетии по Рождеству Христову появившиеся на юге Европы, потом некоторыми племенами своими обратившиеся от Задунайских стран к полунощным, заняли оные до берегов Балтийского моря. Одно из сих племен, известное в летописях под именем кривичей¹, простерлось далее к востоку и разделилось на три части. Первая осталась близ Двины, на реке Полоте, от коей и называлась полочанами. Вторая уклонилась к юго-востоку по Днепру и основала город Смоленск. Третья обратилась к северу, к ныне называемому Псковскому озеру, и построила город Изборск. Может быть, к сему же племени отнести должно и четвертую часть, которая прошла далее к северо-востоку и, поселившись около Ильмень-озера, удержала на себе коренное древнее звание славян. По крайней мере, так можно думать потому, что литовцы долго всю Россию называли землею кривичей, а на латышском языке кревами и ныне называют русских.

Судя по пространству мест, занятых сим кривичским племенем от Полоцка до Смоленска и до озер Чудского и Ильменя, должно заключить, что оно было многочисленное, а по завоеваниям, вскоре затем последовавшим, и сильнейшее из других единоплеменников своих. При первоначальном их поселении на всем пространстве множество найденных ими озер, изобилующих рыбой и водяными птицами, а лесов – зверями и дичью, долженствовало служить им безнуждным и легчайшим пропитанием; а избытками они могли меняться с соседями, но силой покорили они и их самих в непродолжительном времени. Полочане около 200 лет имели данниками у себя всю Литву и чудь лифляндскую и курляндскую, а город их под именем Пелтискум славен был торговлей и у северных народов. Смоляне от Великих Лук и Торопца владели обширными странами на восток и юг, может быть, даже до меря ростовских. Олег, в 882 году шедши на Киев, застал Смоленск независимым и богатым уже городом. Ильменские славяне по всей северной полосе простерли свои завоевания до Белого моря и до сибирского пояса гор. Одни изборские кривичи были слабее соплеменников своих и место себе заняли такое, с которого долго не могли распространить владений своих. Издревле населявшая обширные озера – Чудское и Псковское, называвшиеся Пейпус и Пелба, – лифляндская и эстляндская чудь, кажется, с самого начала не позволила им и приблизиться к оному². Посему-то и избрали они в 15 верстах от озера Псковского высокую гору для построения на ней города своего Изборска, так названного ими либо от «избрание», либо от скандинавского слова «Исаборг», как думал Миллер, означавшего город на реке Исе, далекой, однако же, от нынешнего Изборска в Опоческом уезде; или от сбора туда народа (ибо в некоторых летописях назван он Сборцы и Сбореск), или по наименованию какого-нибудь прежнего своего города в память Отечества, как и часто делали сие поселенцы славянские. Ибо города под названием Изборск были и в Литве, и в Волыни, через которые

¹ О названии кривичей ходят разные толки. В. Н. Татищев производил оное либо от сарматского слова «криви», означавшего «верховье», или от латышского – в Восточной Пруссии, по сказанию Дуйсбурга, в городе Ромове бывшего первосвященника Криве, коего учения они якобы держались. Другие думают, что их столица была между Вильно, Гродно и Минском и называлась Криве; а у С. Герберштейна упомянут Крева, городок с опустевшим замком. Третьи производят их от древнейших кровичей, упоминаемых еще у Геродота (кн. IV, 49), живших сперва во Фракии. Граф Иван Потоцкий находит их и в летописи Иорнанда под именем хринов, а у Константина Багрянородного они называются кривитени, и земля их полагается между реками Припятью и Неманом.

² Чудское и Псковское озера составляют одно. (Ред.)

проходили славяне на север. Как бы то ни было, но возвышение места, с коего видно во все стороны на дальнее расстояние, чистые и обильно истекающие из Изборской горы ключи, доньше именующиеся Славенскими, и проток от них реки, тогда еще, может быть, не заросшей и способной к плаванию до озера, могли их убедить избрать себе первое поселение, пока на сем месте и оттуда расширятся селами и волостями по окрестностям. Владения их к западу сначала не могли простираться далее нынешнего города Печоры, за коим и доньше граничат еще лифляндские и эстляндские чуди; к югу – не далее нынешнего города Острова или, по крайней мере, Опочки, за коими прочие земли ближе были к полотским и смоленским кривичам; к востоку – до нынешнего Новоржева и части Порховского уезда, а к северу – не далее города Гдова. Но из сих городов Опочка и Гдов построены уже в XV столетии, а Новоржевский уезд почти до самых Святых гор долго принадлежал Новгороду. По сему-то стеснению области своей изборяне и псковичи держались наипаче союза с новгородцами и долго были почти под их покровительством и защитой, а весьма часто и под правлением. Новгородцам же, со своей стороны, нужны они были, во-первых, для торгов с пограничными им чудями, во-вторых, для заслонения себя от их набегов.

II. О правлении изборских славян

Какое издревле было правление изборских кривичей, о том нет достоверных известий в летописях. Отрывок так называемой Иоакимовой Новгородской летописи, Татищевым в первой части своей «Истории» помещенный, повествует о князьях изборских, задолго якобы до пришествия Трувора здесь княживших. Он производит их от какого-то северного князя Вандаля, который якобы сынам своим – Избору и Владимиру – построил города под их именами, назвав Изборск и Владимир. А «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», изданная в 1798 году в С.-Петербурге, говорит, что якобы «Славенск, сын Гостомыслов, отшел от отца своего в Чудь, и там постави град на месте, нарицаемом Сходница, и нарече граду имя Славенск, и княжи в нем три лета и умре; сын же его Изборск примени тому граду Славенску имя, и нарече во имя свое Изборск, а сей князь Изборск змием уяден умре». Но все сии сказания, как поздние и в древних летописях не обретающиеся, сомнительны. Гораздо вероятнее можно полагать, что изборские кривичи первоначально управлялись своими избранными старшинами и общим советом – наподобие республики, как обыкновенно было вообще у славянских племен, по описанию византийских историков, и у северных народов, по описанию Тацита и других. По крайней мере, согласно с сим свидетельствует и Псковская, хотя не древняя, летопись. «От начала Русские земли, – говорит она, – град Псков ни коим же князем владом бе, но на своей воле живяху в нем сущии людие». Вместо законов письменных, конечно, управлялись они, как говорит Нестор о всех славянах, «обычаями своими и законом отец своих и преданиями». В нравах он полагает кривичей сходными с радимичами, вятичами и северянами. А сии народы, по его же описанию, жили в «лесях, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословие в них пред отцы и снохами, и браци не бывают в них, но игрища меж сел. Схождахусь на игрища, на плясания и на все бесовские песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещащеся; имейху же и по две и по три жены. И аще кто умираше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и возложати на кладу мертвеца и сожигаху, и по сем собравше кости, влагаху в сосуд мал, и поставляху на столпе на путех».

Около середины IX века один из-за Балтийского моря сильный варяжский или нормандский народ начал нападать на приморские чудские племена, потом – на кривичей и на ильменских славян, за ними поселившихся, наконец на весей и меря, от Белого озера до Ростова обитавших, и в 859 году обложил всех их данью. Несколько лет исполняли они уничижительную сию повинность, и наконец соединясь между собой союзом, отреклись от подданства варягам, но не умевши сами у себя уставить общего правосудного правления, восстали племя на племя и произвели междоусобие. Наконец, для прекращения оногo все согласились в 862 году призвать к себе на княжение из варягов же русских князей. По сему приглашению пришли к ним Рюрик, Синеус и Трувор – три брата князя с племенем своим. Из них первый принял княжение у славян на Ильмени, второй – у весей на Белоозере, а третий – у кривичей в Изборске. Псковская же летопись по Эрмитажному списку полагает Трувора, седшим вместо Изборска в Славенске, может быть, разумея под сим так названные Славянские ключи при Изборской горе. Впрочем, как бы то ни было, Трувор был князем изборских только кривичей, и власть его, кажется, не простиралась на полотских и смоленских, которые по отдалению своему от моря не могли утесняемы быть и варягами, а потому и в союз с утесненными об избрании русских князей вступать не имели нужды. Притом, по сказанию Нестора,

Рюрик, по смерти Трувора и Синеуса соединивший все три северных княжества под единое державие свое, уже в 864 году заставил и полотских кривичей принять от него удельного князя; а Смоленск покорил уже Олег в 882 году. Что касается чудей, бывших в согласии

с ильменскими славянами и кривичами изборскими на избрание русских князей, то под именем сих чудей, может быть, разумеать должно только племя эстляндцев, от берегов Финского залива простиравшихся по реке Нарве к западным берегам озер Чудского и Псковского до Изборской и от Ингрии до пределов Новгородской областей. Из сих чудей западные могли быть присоединены к Труворову княжеству, а посему-то, кажется, с тех пор удерживаемы были в подданстве и преемниками его. Владимир Великий брал уже дань и со всей лифляндской чуди. После него они отпали было, но в 1030 году великий князь Ярослав Владимирович опять покорил их и построил на судоходной реке Амовже, или Ембахе, впадающей в Чудское озеро, город Юрьев, ныне называемый Дерпт, куда уставил он привозить и все дани лифляндские и эстляндские.

III. О начале города Пскова, устройении и населении его

Под 903 годом Нестор по случаю брака великого князя Игоря упоминает уже о городе Пскове, говоря: «Приведоша ему (Игорю) жену от Пскова именем Ольгу». Но сие сказал он для означения места родины оной, кажется, по современной уже ему знаменитости Пскова. Ибо Ольга приведена была из Выбутской веси, отстоящей в 12 верстах вверх по реке Великой от города, а не из Пскова, основанного уже ею после крещения ее и возвращения из Царьграда. Степенная книга подробно повествует, каким случаем Игорь в переезд свой через реку Великую под селом Выбутским заметил и узнал сию свою невесту, дававшую на предложения его благоразумные ответы³.

Название города Пскова, построенного при устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, а вытекающей из озера Псковицы, в Нестеровой летописи по Кенигсбергскому списку и в некоторых других пишется Псков, а по Лаврентьевскому списку и по Новгородскому называется Плесков. В Псковской летописи в древнейших годах именуется также Плесков, но в последующих – только Псков. От сего различия наименований родились разные толки о происхождении оного. Татищев производит Плесков якобы от плеса или плескания воды. Но имя сие при Пскове ничего замечательного не означает. Другие думают, что Ольга в путешествии своем в Константинополь, заметив почему-нибудь болгарский город Плискову, за Дунаем бывший и с прочими болгарскими городами состоявший после во владении сына ее Святослава, нарекла сим именем и свой город⁴. Но жизнеописатель Ольгин производит название Пскова от реки Псковы, которая, кажется, так названа от песчаного озера и песков, из коих она вытекает и которые окружают со всех сторон город Псков.

Близость сего места к озеру Псковскому, соединяющемуся с Чудским, и удобность водяного сообщения по впадающей в оное реке Великой со всеми южными псковскими землями были, без сомнения, важным убеждением для мудрой Ольги к построению Пскова на оном. Псковичи, получая водным путем по реке сей произведения своих пригородов и волостей, могли прямо сплачивать все товары через озеро в одну сторону – к чудским берегам и по реке Амовже, ныне называемой Ембахой, – до Дерпта, к Эстляндии и Лифляндии, а в другую – до Финского залива по реке Нарве, к северным народам. Даже и новгородцы, производившие знатные торги с лифляндцами и эстляндцами на всех бывших у них в разных местах ярмарках, на кои съезжались и северные народы, свозили также для сплавки во Псков свои товары и содержали здесь свои подворья и магазины. Ибо пока еще они не имели в полном своем владении берегов Финского залива и пока не завели своего судоходства по оному, и прямо не познакомились с торговыми северными городами, то русская северная торговля большей частью проходила лифляндским и эстляндским путем через всю Европу.

³ Село Выбутское, или у народа именуемое Лыбутское, существует и ныне, а ниже оного в полутора верстах на реке Великой – два рукава, обтекающие лежащий посередине остров: один рукав, мельче, текущий вброд по каменному дну, называется доньне Ольгиными слудами (слуда значит подводный камень), другой же рукав, поглубже, – Ольгиными воротами. Ниже сего урочища – на правом берегу устья реки Кеби, впадающей в реку Череху, – есть другое урочище, известное под именем Буденик, или Будник. Издревле предание гласит, что там была также отчизна Ольгина и родина великого князя Владимира Святославича, внука Ольгина, в летописях именуемая Будятино село. До недавних времен там была еще деревня, принадлежавшая фамилии графа Разумовского, после переведенная на другое место, за Великую реку. Но для запашки полей доньне оставлен на том месте, именуемом так же Буденик, приказчий и скотный двор. С 1809 года сие имение было куплено Г. Р. Державиным.

⁴ Плискова, Переяславль, или Переславец (бывший после столицей великого князя Святослава) и другие города на правом берегу Дуная в Болгарии по сказанию Кодина и неизвестного греческого описателя константинопольских древностей, изданных Бандурием, построены императором Константином Великим. Лев Диакон, историк X века, описывает завоевание сих городов императором Цхимисием во время войны со Святославом. Греческие историки XI и XII веков упоминают также о задунайских Плискове, Переяславле и других болгарских городах, и тогда еще существовавших.

По основании Пскова Изборск перестал уже быть столицей своей области. Однако же из уважения к древности его и для пограничной от лифляндских чудей в нем крепости даже до XV столетия имел он иногда своих князей или княжьих наместников, избираемых псковским вече и бывших там на страже от нашествия соседей. Кроме этого сей город не имел уже никакой другой знаменитости. Он даже неоднократно неприятелем был сжигаем и разоряем, а самими изборянами переносим на разные ближние места и часто перестраиваем, как ниже означено в сокращенной Псковской летописи⁵. Нынешние каменные стены его построены уже в XIV столетии.

Город Псков сначала был деревянный по изобилию окружавших его в древности лесов, как о них упомянуто и в житии блаженной Ольги, а потом уже постепенно перестраивался плитным камнем, которого здесь, по Великой реке и по полям, – чрезвычайное множество. Первым местом поселения псковичей, кажется, была гора при устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, пригодную для крепости, которая сначала была тоже деревянная. Уже князь Домант во второй половине XIII столетия начал строить нижнюю часть ее из плитного камня, которая с тех пор и называлась просто Домантовой стеной, или крепостью, а верхнюю – на самой горе, окружающей Троицкий кафедральный собор; для отличия от оной в последующие времена именовалась Детинцем, как и Софийская в Новгороде⁶.

Но сия верхняя крепость 100 лет после Доманта оставалась все еще деревянной, и начата каменная уже в 1393 году, после чего в Псковской летописи, особенно северная ее часть к устью Псковы, именовалась Кромом и Кремом, может быть по примеру Московского Кремля или по укромности от нижней крепости. В сем Кроме были и кладовые с погребами, в коих граждане укрывали от неприятелей лучшее свое имение и общественные запасы. По преданию, полагают, что в нижней Домантовой стене был и двор сего князя, но где – неизвестно. Преемники его перенесли оный на площадь к Великорецкому мосту, а сия стена, или двор Домантов, вся занята была церквами и церковными зданиями, между коими остались донныне только Димитриевская церковь, древняя Тиунская, или Судейская, палата и первоначальный архиерейский дом, построенный Новгородским архиепископом Макарием в 1535 году для приездов своих, где ныне консистория, в прошлом столетии новым фасадом переправленная. Каждая линия стены верхней крепости в Псковской летописи именована пряслом, а возвышенные зубцы, или гребень на стене против алтаря соборного, – персями, на коих сперва висели и колокола соборные. Обе крепости простираются в длину по берегу реки Великой около 200, а в ширину около 60 сажен. Ибо теснота горы, или мыса, между двумя реками не позволяла расширять их. Все прочее за стенами сими называлось еще в 1263 году посадом и застенем, а в XIV столетии упоминаются уже населенными и Запсковье, и Завеличье. От нижней стены Домантовой проведена вверх по правому берегу Великой реки вторая стена плитная на 325 сажен, которая, с берега под прямым углом поворотив на гору, окружала так называемый Средний город на 500 сажен – обратно к реке Пскове за Петропавловским собором, против церкви мученика Евстратия. Она выстроена в начале XIV столетия на месте деревянной, которая была теснее сей новой, как можно заключить из названия бывшей Преображенской церкви, именовавшейся у Старого Костра, на углу первого от площади левого переулкa к Труперховским воротам. В 1433 году была и сия каменная стена разобрана и потом сделана новая. Третья стена, вероятно, вместе со второй в начале XIV столетия основана была по левому берегу Псковы-реки деревянная на 300 сажен, а с начала XV века была уже каменная и смыкала конец второй стены с Домантовой крепостью. Четвертая по правому берегу Великой реки, вверх от угла средней стены до Покровской церкви и от

⁵ Особенная Изборская летопись подробно напечатана в «Отечественных записках» 1825 года и в V т. «Чтений в Московском обществе истории и древностей российских».

⁶ На польском языке донныне dz[^]dzines значит двор перед палатами или замком, площадка дворовая.

оной кругом всего посада, после называвшегося Большим городом, к Пскове-реке до Гремячей горы на 1400 сажен, построена была около середины XIV столетия деревянная, дубовая, а с 1373 года начата от Псковы каменная, но закончена к Великой реке опять деревом. В 1465 и 1501 годах она вновь построена была деревянная, а в 1535 году сомкнут конец ее по Пскове-реке с углом средней стены на 250 сажен. В 1465 году также вновь построена пятая деревянная стена около всего Запсковья, начиная от Гремячей горы, и около Варлаамиевской церкви, по берегу Великой реки до угла Детинца над устьем Псковы, – всего на 850 саженьях. Обе сии последние стены с 1482 по 1508 год построены каменные. Конец Запсковской стены сомкнут был с углом Детинца через все устье Псковы-реки сперва в 1537 году деревянной, а в 1631 году каменной стеной со многими на воде воротами, которые заграждались решетками для невпуска судов. Сия перегородка называлась Греблей, и по ней был ходячий мост для входа в Детинец сквозь малые ворота, сделанные еще в 1462 году, которые, как и мост сей, назывались Смердьими, потому что они прилежали к слободе, смердами населенной, по правому берегу Великой реки на Запсковье. Такая же каменная перегородка через Пскову-реку в 1562 году построена была и против Гремячей горы. Сия часть города, по сказанию польского историка Р. Гейденштейна, с внутренней части была окопана валом по взятии уже в 1563 году Полоцка царем Иваном Васильевичем и укреплена бойницами с привалами из дерна. Он же укрепил и другие части стен постройкой многих высоких башен деревянных для стрельбы с них через стены вдаль пушками. Завеличье не ограждено было ничем и при нашествии неприятеля, яко передовое предместье, часто самими псковичами, а если они не успевали, то неприятелем было выжигаемо. Крайняя большая около города стена в 1632 году окопана была еще рвом и валом, а при государе Петре Великом во время войны со шведами в 1701 году защищена бастионами и больверками. Из всех сих стен уцелели только верхняя – около Детинца, нижняя – Домантова и крайняя – около Большого города и Запсковья, а прочие внутренние все уже сломаны и скрыты.

Вся окружность верхней крепости, или Детинца, с Домантовой нижней стеной простиралась на 500 сажен; второй стены, обнимавшей Средний город, – на 1325; третьей стены, обходившей Большой город, – на 1950, а Запсковье – на 850 сажен. Всего же вообще вокруг города по крайним стенам окружность – с лишком на 2800 сажен; следовательно, площадь всего города горизонтально содержала около 490 000⁷ квадратных сажен, не считая предместий за крайними стенами и Завеличья за рекой Великой. По всем стенам множество было глухих и с воротами круглых и четырехугольных башен высоких, которые в летописях иногда называются бойницами и кострами. Их при нашествии Батория осаждавшие поляки, по сказанию их писателей, сочли до 70. По верху стен вокруг города и сквозь башни везде были переходы, а под многими местами в стенах – длинные погреба и тайники, или тайные против неприятеля из города выходы, засыпанные землей для скрытия. Построение и частые починки сих стен и башен означены во всеобщей летописи в конце сей книги. Но многих башен и проездов древние названия уже забыты, а из упоминаемых в летописях места многих неизвестны. Ибо до нас не дошло ни одной древней описи Пскова. Самая старейшая осталась только по указу государя Петра I в 1701 году, сделанная как Пскову, так и другим уездным городам псковским. В ней, однако ж, сохранены многие древние названия урочищ, стен, ворот, башен и зданий.

Союз Пскова с Новгородом и долговременная зависимость от него, сверх единоплеменства, были причиной сходства обоих сих городов не только в образе правления, законах и обыкновениях, но и в разделении на пять частей, или концов, города. Первоначальные концы Пскова назывались: 1) Торговский, посередине города – от Домантовой стены по площади; 2) Боловинский, к нынешней Новгородской дороге или к Петровским воротам; сей конец

⁷ То есть примерно 1058 м (древняя сажень равна 2 м 16 см). (Ред.)

после назывался и Петровским; 3) Опоческий, к старой Опоческой дороге или к Златоустовским воротам; 4) Городецкий, к Мишаринской горе и 5) Остролавицкий, к Великим воротам или к Покровской церкви «в углу», после называвшийся Полонским и Полоницким. С заселением Запсковья и присоединением оною стеной к городу названо и оно шестым концом *Запсковским*, а потом и само разделено на три конца Запсковских: 1) Смердий, от крепости вниз по правому берегу реки Великой; 2) Богоявленский, к Богоявленской церкви; 3) Космодемьянский, к Космодемьянской церкви. Но Завеличье всегда называлось своим именем, а не концом, и не считалось в городе.

Из древнейших псковских зданий ничего не уцелело, кроме каменных городских стен и церквей, кладенных из известковой плиты; и те, многократными пожарами по тесноте зданий весьма часто бывши повреждаемы, в последовавшие времена были починены и перестроены, как означено во всеобщей летописи, присовокупленной к сей книге. Самая кладка сих плитных стен во Пскове была непрочна, как видно по развалинам, особенно городских стен, потому что большей частью делалась без всяких связей или, по крайней мере, только с деревянными, выравниваема была только снаружи, а внутри наполняема насыпным булыжником и щебнем с известковой заливкой. Обваливавшиеся стены прикладываемы были только новым слоем снаружи к старому и потому вскоре отпадали, увлекая за собой и старую кладку. Кирпичная кладка вовсе не была здесь в употреблении, хотя псковские каменщики еще в XV столетии сим искусством известны были и в Москве, а по завоевании Казани в 1555 году строили и казанскую каменную крепость. Одна только церковь Святого Димитрия, построенная во Пскове из плиты вместе с кирпичом и существовавшая 380 лет в Домантовой стене, как редкость для памяти замечена в Псковской летописи, но и та в 1523 году перестроена из сплошной плиты. Другая церковь, сложенная также из плиты наполовину с кирпичом около 1240 года, осталась доньше в Иоанно-Предтеченском монастыре. Видимые в ней кирпичи не похожи на псковскую глину, но на голландскую белую, и, кажется, сделаны не во Пскове. Ибо и вид их четырехугольный не похож на другие древние, открываемые из развалин. Вообще же все древние церкви здесь построены в готическом вкусе без размера, без железных связей и только с деревянными внутри закладными бревнами, и в весьма редких, и то позднейших уже, есть железные. Теснота их внутри доказывает малые приходы, а множество служит памятником набожности прежних псковичей. Из гражданских древнейших зданий каменного ничего не осталось, и приметно, что для домов здесь больше было в употреблении деревянное, нежели каменное строение, по сырости плитного камня и по неискусству древней кладки мало способное для жилья. Даже и построенные из камня лет за сто дома не имеют никакого порядочного вида. Притом замечательно, что во всех частях города не только под стенами и церквями, но и под гражданскими зданиями во многих местах находят подземные каменные из плиты большие погреба со сводами, сделанные, вероятно, на случай пожаров и неприятельских нашествий для скрывания имущества. По отрываемым мостовым, по большей части деревянным, видно, что древние улицы были тесны, кривы, пересечены многими переулками и неровны. Многих городских урочищ и улиц названия, упоминаемые в летописях, вышли уже из употребления и из памяти, а потому и обозначить их невозможно. По новому же городскому плану, утвержденному императрицей Екатериной II, даны им названия новые. Но и сей план доньше еще не исполнен. А древнего плана города не дошло до нас, кроме только грубого живописного начертания или вида на иконе, находящейся в Покровской церкви на проломе, написанной не ранее XVI столетия, после Баториевой уже осады. Таковые же, но в гораздо большем размере, начертания Пскова или, лучше сказать, псковских только церквей и монастырей, и окрестностей находятся на иконах во Владычной часовне и на святых вратах Псково-Печерского монастыря. Многократные опустошения Пскова пожарами, из которых больших только, иногда почти весь город истреблявших, замечено в Псковской летописи до 35, и моровыми язвами, с ино-

странными товарами из Лифляндии и Эстляндии сюда заносившимися, коих также считается до 30, иногда кряду по несколько лет продолжавшихся, вероятно, изменяли часто расположение города. Впрочем, местоположение вообще города сего пленяло и иностранцев. Гейденштейн, описывая Баториеву осаду одного в 1581 году, говорит, что «местоположение его самое приятнейшее по стечению двух рек и по открытым на все стороны полям, на которых видны частые окатистые холмы, опушенные можжевельными деревьями, которые по дороге от Воронича до Пскова кажутся как будто нарочно насаженными садами. А по окрестностям города рассеянных было более 40 монастырей каменных, и между ними на крутой горе Снетогорский с высокой башней и стенами, наподобие замка».

Число древних жителей города Пскова нигде в летописях не означает. Но что город сей был многолюден, то можно заключить из некоторых обстоятельств, упоминаемых в истории, а именно: он мог выдерживать сильные осады и выводить в поле достаточные отряды войска. Во время покорения его великим князем Василием Ивановичем в 1510 году в одном Среднем городе насчиталось 1500 дворов. При пожаре 1544 года 700 дворов погорело в одной части Большого города, называемой Полонищем, от Покровской в углу церкви, а с другой стороны – от Воскресенской, простиравшейся только до Великих ворот. Во время морового поветрия 1552 года на одних кладбищах, во Пскове называвшихся буями, погребено мертвых 25 000 человек, не считая при церквях и в других местах. Во время осады Баториевой 1581 года в городе, кроме жителей, помещалось 15 000, а по сказанию иностранных историков – 50 000 войска. Если по счету 1500 дворов, значившихся в 1510 году в Среднем городе, имеющем между Домантовой крепостью и Большим городом квадратного пространства около 97 347 сажен, заключать по той же соразмерности к квадратному пространству внутри всех стен города, составляющему около 400 000 сажен, то во всем городе могло помещаться около 7656 дворов, кроме Завеличья и посадов за стенами. А полагая по среднему числу народонаселения четыре человека мужского пола на каждый двор, число жителей псковских в стенах градских могло простираться более 30 000 мужского и, по крайней мере, столько же женского пола. Но от бывшего в 1592 году мора почти все жители во Пскове вымерли, и столь мало их осталось, что царь велел перевести туда мещан из других городов.

IV. О земском разделении и устроении Псковского княжества

Число древних селений и жителей всей Изборской, после названной Псковской, области также неизвестно, как и земское разделение и распоряжение оных. Уездные города, или пригороды псковские, упоминаются в поздние времена, хотя, вероятно, были они с самого начала расселения кривичей под названием городищ, или сходбренных мест. Летописатель Нестор под годом 947 говорит, что Ольга, супруга великого князя Игоря, будучи уже во вдовстве при малолетстве сына своего Святослава, еще до обращения в христианскую веру, объезжая Новгородскую область, в которую тогда включалась и Изборская, устала по рекам Мсте и Луге погосты, оброки и дани. Памятником ее тогдашнего путешествия и по Изборской области здесь оставались ее сани, которые во времена Нестора, спустя лет 150, псковичи сохраняли еще у себя в целости. Об учреждении погостов, оброков и даней изборских хотя Нестор и не упоминает, но, может быть, потому, что княгиня сия тогда освободила Отечество свое от двух последних; однако ж, вероятно, не оставила сделать и в нем назначение погостов, столь нужных для земского благоустроенного начальства. По крайней мере, название оных, доныне оставшееся по всей Псковской, как и по Новгородской, губернии доказывает, что и здесь оные были учреждены. В Ольгино время название сие, вероятно, от греков и римлян заимствованное, значило то же, что у них Πάγος и Pagus, то есть замок, или крепость на возвышении, с округой подведомственных волостей, или сел. А в одном месте Псковской летописи (1431 год) округа названа обрубом – либо по окружной огороже, либо по окружному ведомству повинностей, называвшихся порубом. У северных народов такие волостные округа разделялись по рекам для лучшего разграничения и для удобнейшего сообщения (что и Ольга сделала) и назывались губами. От них название «губы» вошло потом и в российские земские разделения северных областей для обозначения округ и продолжалось по Псковской области почти до половины XVIII столетия. Название же погостов по введении христианства осталось только при церквях с кладбищами, к коим в приход приписано было несколько окрестных волостей, сел и деревень. В последовавшие времена губы подчинены были засадам, в коих по несколько бывало губ, а засады разделены по уездам; иногда же уезды, особенно невеликие, разделялись прямо на губы. Так, например, Дубковский уезд состоял только из пяти губ без разделения на засады. Рыбные ловли, или, лучше сказать, рыболовные пристани по озерам и по знатнейшим рекам разделялись на исады, то есть изсады, или высадки, а исады – на четы и четы – на четверти; а две четы числились в одном неводе. Уездные города с крепостями вообще назывались пригородами псковскими. У новгородцев область их вся разделялась на пятины по числу концов Новгорода и пятина каждая – на половины. Но у псковичей не было такого разделения, вероятно, из-за необширности их владений. А уже в XV столетии разделили и они все свои пригороды по пяти концам города Пскова в подведомство, о чем ниже будет сказано. Но в конце XVI столетия упоминается уже разделение Псковской области на две половины⁸.

Судя по весьма многим в разных местах всей Псковской области оставшимся древним городищам, окопанным валами и рвами, по большей части на горах, холмах и возвышенных местах, должно заключить, что в первоначальные времена гораздо больше было псковских городов, или по крайней мере крепостей, нежели сколько упоминается оных в летописях. При некоторых из них доныне остались селения, посады и безуездные городки, а

⁸ В архивных делах польских (московский архив Министерства иностранных дел, № 18, л. 135) сказано, что государь царь Федор Иванович после смерти отца своего князю Ивану Петровичу Шуйскому за его службу пожаловал великое жалованье в кормление «Псковом обеими половинами и с пригороды и с тамгой и с кабаки».

иные совершенно пусты, и даже названия их неведомы. Из семи нынешних уездных городов три, а именно: Великие Луки, Холм и Порхов, построены новгородцами, а Торопец, вероятно, – еще смоленскими кривичами, ибо близ одного есть городище на реке Торопе, окрупанное валом, которое и в Писцовых книгах именовано Кривити. Прочие три, собственно псковских города, остались только Остров, Опочка и Ржев на новом уже месте. Первый из сих по ближайшей смежности с Изборской и Псковской округами, кажется, был древнейшим из пограничных, но и он в Псковской летописи начинает упоминаться только с 1341 года, а Опочка под тем же годом названа только селом, пограничным с Латыгорой, или латышами лифляндскими. С исхода XIV столетия, когда умножились сильные нападения со стороны лифляндцев, эстляндцев и литовских великих князей, утвердивших столицу свою в Полоцке, то псковичи провели целый ряд крепостей и городов своих от всех сих соседей, а именно: со стороны Литвы по реке Великой три крепости – Коложу, бывшую в 10 верстах от Опочки, Велье и Воронеч. Первую из сих литовцы в 1406 году совершенно разорили, и вместо оной псковичи в 1412 году основали другую на той же реке в Опочке, а Велье и Воронеч, разоренные также в 1408 году, возобновили. В 1464 году ближе к литовской границе, за Опочкой, основали они город Красный на реке Сине, а в 1476 году – Вышгород на реке Ладе. С XVI столетия они завоевали уже многие и литовские пограничные местечки и в 1535 году заложили в их границе свою крепость Ивангород, ныне называемую Себеж, на озере Себеже, а неподалеку от оной – бывший старый Ржев, который, однако ж, сперва новгородцы, а потом литовцы у них отняли. Сей последний город в следующем, 1536 году переведен был на другое ближнее же место к границе и построен под именем Заволочье. Со стороны лифляндцев крепостями им служили древний Изборск, перестроенный в 1330 году с каменными стенами, и потом Печоры, огражденные также каменной стеной. С 1520 года на Желатском острове в Чудском озере западная половина острова заселена была псковичами, а восточная – лифляндскими чухнами. Самое озеро Чудское вдоль, по половине, делилось между двумя областями. Со стороны эстляндцев псковичами основана была в 1424 году на восточном берегу озера Чудского крепость Гдов; в 1461 году на том же берегу, еще ближе к Пскову, – другая, названная «На Озолице», а в 1462 году – там же и третья под именем Кобылье, или Кобылинская. В то же время неприязненность новгородцев заставила псковичей от Заволчья к Порхову провести также ряд крепостей и городов, каковы были: Дворец, или Дворца, Врев, Дубков, Выбор, Котельный и Владимирец, которые все построены были в XV столетии. Не все, однако ж, эти города имели приписанные к ним уезды, и в 1468 году насчиталось старых уездных только десять и два городища – Кобылье и Вышгород, которые псковичи разделили на концы города своего, приписав к каждому в подведомство по два, а новые к ним делили по жребию.

V. Об образе правления Псковского княжества

Какое было древнейшее правление изборских кривичей, о том сказано уже выше, а со времени княжеского между ними начальства, от Трувора до Олега, должно было быть больше военное и монархическое, основанное на решениях и повелениях князей или их наместников, нежели гражданское, хотя могли еще оставаться в силе и народные «обычаи, законы отцов и предания», по выражению Нестерова. Но когда Олег в 881 году, оставив Новгородское княжество, в коем величалось и Изборское, перенес престол свой в Киев, а с северных своих владений довольствовался только брать ежегодную денежную дань на жалованье варяжским своим войскам, то в Новгородском княжестве, а по нем и в Изборском (после Псковском), опять осталось общенародное правление, продолжавшееся около 600 лет, несмотря на то что в обоих сих княжествах между тем начальствовали и великокняжеские наместники, а иногда свои удельные князья, которых избирать самим право дал великий князь Ярослав Владимирович. Все гражданские дела рассматривались и решались общими народными приговорами на вече, под именем коего разумелись, как и у римлян *forum*, народное собрание и совещание на открытой площади, на которую созывали народ звоном колокола, именовавшегося посему вечевым. По собрании объявляли им причину созыва и о предложенном деле требовали всеобщего мнения. Здесь народ определял войну и мир, дружественные и торговые договоры с соседями; наряжал посланников и выслушивал их ответы по возвращении; назначал сбор войска, податей и других городских и земских повинностей; делал приговоры временные и всегдашние; устанавливал законы;

производил суд и расправу по важнейшим общественным доносам и жалобам; избирал своих посадников, тысяцких, воевод и прочих чиновников, и самих князей, а в случае народного неудовольствия на них наказывал отрешением, разграблением домов, побоями, и даже смертью первых и изгнанием последних. В 1458 году псковичи на страх преступникам повесили на площади при вече палицу, коей наказывали и убивали виновных. Никто из чиновников, ни сам князь не могли остановить и отменить приговора вече, ни даже вмешиваться в народные совещания господина Пскова, как говаривали псковичи, по сказанию летописи. Бывали иногда такие же вече и в уездных городах, или пригородах псковских, под влиянием, однако ж, главного – псковского. Но сие могущественное во всем городе и во всей своей области псковское вече при случаях соединения Пскова под одно с Новгородом правление принуждено бывало само принимать повеления от новгородского вече, которое иногда присылало псковичам своих посадников и князей, наряжало своих поверенных для разбора гражданских и пограничных споров и распрей и привлекало к ответам и суду псковичей даже в Новгород. Кроме того, и при сторонних, самими псковичами избранных князьях новгородцы, по старому обыкновению, иногда вмешивались в военные и гражданские дела их.

Но поскольку вечевые собрания и приговоры были временные и по важнейшим только случаям, то для всегдашнего исправления частных общественных должностей вече избирало городских и областных начальников. Каждый конец города Пскова, как и в Новгороде, имел свое «кончанское» правление из кончанских бояр с конечким старостой так же, как и каждая улица, – своего старосту, или квартального надзирателя. В грамотах, жалованных Пскову-Печерскому монастырю, даже и в XVI веке упоминаются еще кончанские, или конечские, старосты. Первыми во Пскове и во всей области начальниками почитались князья, иногда определяемые от новгородских князей, а иногда – самими псковичами избранные. Их приводили к присяге Пскову и сажали на княжеский престол, по большей части, в Троицком кафедральном соборе, а иногда и на вече. С половины XII столетия, когда многие из областных князей начали титуловаться великими князьями, то сие же титуло присвоили себе и псковские, или, по крайней мере, псковичи, – так их величали. Но сии князья, по

древнему северных народов закону или обыкновению, как описывает и Тацит германских, были больше предводителями войск и наблюдателями полицейского порядка, а правительственной и судебной власти ни во Пскове, ни в области сперва не имели. Много уже времени спустя псковичи уступили им право своих наместников с тиунами, или судьями, определять сперва в двух только, потом в семи, а в 1467-м и в прочих своих 12 пригородах, не исключив, однако же, сих пригородов и из своего подведомства и подчинив их концам города по земским делам. До того же времени вече определяло везде своих наместников, управителей и судей. Но князья, присланные во Псков от московских великих князей, начали вмешиваться во все городские суды, дела и доходы, и, конечно, сие-то самое насилие принудило псковичей уступить им упомянутое право, хотя и без того могли они быть довольны по записным, издревле вечевым грамотам, назначенными им в жалованье разными во Пскове и в области землями, оброками и судными пошлинами, для сбора которых и прежде они везде содержали своих приказчиков. Во Пскове были для них на общественном содержании особый двор у площади, где ныне так называемый двор Пушечный, – к стене над рекой Великой – и при нем в углу двора к площади же особая княжья церковь, коей следы и доныне видны. Придворными их чиновниками были так называвшиеся детские, или детески, – из детей лучших граждан, после переименованные дворянами.

После князя второе начальство в гражданстве занимали посадники степенные, так названные, вероятно, потому, что при избрании на вече возводили и сажали их на возвышенное место со степенями, с коего они и суд производили. Сие можно заключить из двух случаев, упоминаемых в Псковской летописи, в коей под годом 1462 сказано, что псковичи, будучи недовольны своим князем Владимиром Андреевичем, на вече «сопхнули его со степени» и выгнали, а под 1510 годом замечено, что присланный во Псков от великого князя Московского дьяк Третьяк Далматов, на вече объявив псковичам указ великокняжеский, сел на степени. Посадники вече избирались иногда по одному, иногда по два вместе на год, на два и более с ежегодным, однако же, утверждением. По отставке всю жизнь назывались они для отличия от прочих граждан старыми посадниками, а иногда и опять избираемы были в степенные. Старых преимущественно назначали в посольства, в начальство над отрядами войск и в другие временные общественные должности. Дети их считались выше бояр. Степенные посадники в небытность князя исправляли и всю княжескую должность, предводительствовали войском на войне, а дома наблюдали за городской стражей и благочинием общественным. При князьях же они были только гражданскими начальниками и посредниками, так сказать, между ними и народом. Князья без их согласия ничего в общественных порядках переменять и над ними самими власти никакой иметь не могли. Но при сем замечательно, что с 1132 года до начала XIV столетия ни в Новгородской, ни в Псковской летописях не упоминается ни о посадниках, ни о тысяцких псковских, а предводители войск в походах просто назывались только воеводами и боярами. Из чего можно заключить, что либо новгородцы, большей частью в промежутке сем властвовавшие над Псковом, либо само псковское вече и князья псковские не хотели избирать сих чиновников. Но с XIV века они уже часто и почти сряду упоминаются, может быть, и потому, что с сего только века начинается подробная Псковская летопись, а прежние происшествия сокращенно в нее заимствованы только из Нестеровой и Новгородской.

Совет посадников составляли бояре и житые, или по псковскому выговору называвшиеся «житейские», – люди, разделявшиеся по концам города. В число первых вступали богатые и знатнейшие люди, а особенно владельцы пахотных крестьян, или, по крайней мере, земель, ими обрабатываемых. Ибо до XVII века в Псковском княжестве, как и нигде в России, личных крестьян не было, кроме пленных и кабальных по контракту холопов. Но в чин бояр не сами вступали, а по выбору народному. Под именем житейских людей разумелись также зажиточные или богатые люди либо старожилы псковские, из коих производили и в бояре.

Пока были бояре в советниках, назывались также степенными, а по смене – «старыми». Из них выбирались на случай войны воеводы и посланники к соседям, а чаще в посольствах они составляли свиту посадников. Все части, или концы, города с управлявшими в них старостами и все наместники, управители, сотские и тиуны, или судьи, в пригородах и волостях сперва были также в ведении степенных посадников и бояр. Для рассылки от вече и чиновников был особый чин приставов, называвшихся подвойскими. На вече при посадниках упоминаются еще особые судьи и дьяки, или письмоводители, а в походах, разъездах и посольствах дружину, или свиту, их составляли дети посадничьи и боярские, под именем коих разумелись все чиновники под их особенным начальством и около их особы служившие.

По степенном посаднике главный чиновник военный назывался тысяцким, потому что войска тогда разделялись на тысячи. Его также избирали на вече на время и всегда только одного, а по отставке или отслужении во всю жизнь для отличия от прочих граждан именовался он «старым тысяцким». Под его начальством состояли избранные из всех концов воеводы, дружина из лучших граждан и дети боярские, сотские и прочие. По некоторым грамотам видно, что у тысяцкого были особый свой суд и судьи, вероятно, по военным делам и преступлениям. В Псковской летописи однажды только упоминается чин тысяцкого, а почти всегда и при князьях, и без князей ходили на войну вождями сами посадники степенные и старые, и часто упоминается вместе по несколько их в одном походе, может быть, для разных отрядов.

Был еще во Пскове при вече чин ларника, коего должность состояла в хранении ларя, или ковчега, со всеми древними псковскими грамотами и вечевыми записями и приговорами. Они имели какую-то силу в народе. Ибо под годом 1485 в Псковской летописи сказано, что «игумен Евфимий, иже прежде был ларником в Пскове, в той власти много зла народу учини и убеже и пострижися». У новгородцев были еще некоторые другие чины, о коих Псковская летопись не упоминает во Пскове.

Вместо жалованья все вышеупомянутые чиновники имели особо отведенные им общественные земли, пожни и рыбные ловли, в грамотах отличающиеся названием: посадничьи, наместничьи, боярские, тиунские, дьячьи, старостинские; даже и подъячим давали поместья в оклад, а за отличные услуги жалованы были и в род такие же угодья; а иным отдавались оные из оброков. Царь Федор Иванович пожаловал князя Ивана Петровича Шуйского всеми дворовыми псковскими доходами в обеих половинах с пригородами, с тамгой⁹ и с кабаками, а доходов сих с вышей и сох было 18 000 рублей, да торговых, судных, пашенных и банных 12 000 рублей¹⁰.

Кроме начальствующих и чиновников, народ весь во Пскове и в области его, как и в Новгородской, разделялся на четыре статьи: первая называлась гости, или купцы, которые разделялись на сотни и имели по рядам своих старост и сотских. Гостями преимущественно назывались приезжие или ездившие за границу купцы; вторая статья – люди, или людины, просто так именовавшиеся, и разумелись свободные мещане и посадские; они могли происходить и в чиновники; третья – земледельцы, иначе в Псковской летописи называемые земцы, обрабатывавшие поля по волостям и деревням; четвертая – смерди общественные и частные, состоявшие из самых низких рабочих и кабальных холопов¹¹. Первые две статьи народа были свободные, ничем лично не обязанные; третья с обрабатывания земли давала

⁹ То есть с таможенным сбором. (Ред.)

¹⁰ См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. X. С. 243 и прим. 148.

¹¹ В Новгороде был еще разряд огнищан, не упоминаемый во Пскове. Некоторые наши писатели почитают их заодно с первостатейными гражданами. Но огнищем и ныне по Вологодской, Архангелогородской и Вятской губерниям называется лес, выжженный для посева хлеба или льна, и земледельцы, таким легким образом засевающие и не имеющие постоянной пашни, прозываются *огнищанами*, а во Пскове, по скудности земли, не могло быть таких пахарей.

пятую долю, или пятину, произведенного помещикам, и потому слово «пятина» донныне сохранилось во всех псковских оброчных платежах; а последняя обязана была записью для Пскова, князя и бояр производить всякие работы и платить ежегодную им дань. Что касается всеобщих государственных повинностей, то в случае нужды никто из оных исключаем не был – или добровольной складкой, или налогом по расчислению. С XVI столетия на земледельцев и волостян возложено много и особых еще повинностей работами, как то: содержать и кормить государственных коней, косить на них сено, содержать ямские подводы, обустройства наместничьи, волостные и ямские дворы, снабжать их дровами, и, сверх того, подвержены были они вообще и градским, и волостным раскладкам, а заезжавшие к ним все начальники и посыльные получали себе особые от них корм и посыльные пошлыны. Но пошлын купеческих с капитала, привоза и отвоза товаров не было до покорения Пскова.

Правление по уездам имело также своих окружных начальников под зависимостью от псковского вече и от псковских посадников. По знатнейшим пригородам, каковы были Изборск, Остров, Опочка и Гдов, в летописях упоминаются иногда и свои местные посадники, а в других – наместники, в крепостях – воеводы, в засадах – сотские и головы; в губах – губные старосты, а в волостях – волостели, старосты, приказчики и сельские тиуны, а судебные места назывались земскими избами. В древнейшие времена и по уездам, как на псковском вече, народ в сходках и съездах своих имел полную власть осуждать даже на смертную казнь. А с XV столетия право сие ограничено не только в уездах, но и в самом Пскове. Народ хотя мог назначать и требовать злодеям смерти, но должен был ожидать разрешения от псковского вече, и само вече, наконец, обязано было требовать на смертный приговор согласия от великокняжеских во Пскове наместников. В 1477 году, когда опочане без позволения псковского начальства убили одного коневого вора, то псковичи оштрафовали их 100 рублями, а в 1485 году, когда сами они в бунте казнили нескольких своих граждан, то вытерпели гнев великого князя.

VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских

По чину ларника, бывшего при вече, видно, что псковичи свято сохраняли у себя собрание своих уставов, грамот и приговоров. Но из них почти ничего до нас не дошло, кроме упоминания в летописях, и, вероятно, все они забраны московскими великими князьями при совершенном покорении Пскова. Самым первым уложением для гражданских судов могла служить им сперва «Русская правда», новгородцам данная от великого князя Ярослава Владимировича в 1016 году, и его же уставные грамоты, а по церковным судам в летописях упоминаются за основание греческий «Номоканон», или «Кормчая книга», и грамоты константинопольских патриархов, всероссийских митрополитов и новгородских архиереев. Из первого некоторые статьи находятся в летописях и разных сборниках, а из последних помещены и между правилами Стоглавого собора, бывшего в Москве в 1551 году. В одной синодальной летописи под № 348 историограф Н. М. Карамзин нашел общую для псковского духовенства и гражданства уставную грамоту или, может быть, только отрывок, либо прибавление к пространнейшей грамоте о судах. Сия грамота, вероятно, написана еще до подчинения Пскова московским великим князьям, ибо в ней не упоминается ни о них, ни о наместниках их, а только о князе, посаднике и судьях. В сем найденном отрывке узаконено: 1) духовных людей ни князю, ни посаднику, ни судьям не судить, а судить владычну наместнику; а в суде мирянина с духовным судить общим судом; 2) когда кто присвоит какую скотину и назовет ее доморощенной, то произвести о сем следствие; 3) кто перед начальником ударит на суде своего истца, тот должен заплатить ему рубль, а князю пошлину; 4) за барана заплатить хозяину шесть денег, за овцу – десять денег, а судье – пошлины три деньги; за гуся и гусыню – хозяину две деньги, а судье – три; за утку и селезня, за курицу и петуха – две деньги и прочее; 5) кто в пьянстве чем поменяется или что купит и, проспавшись, раскается, то разменяться; 6) княжым людям не держать корчмы ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец¹², ни бочкой меду не продавать; 7) кто доказывает кого в зажигательстве, то дозволяется отдать на вольную присягу; 8) кто у кого бороду вырвет и свидетелем не доказан, такому целовать крест и биться на поединке; а если свидетель докажет, то взыскать за бороду и бой два рубля, а свидетелю быть одному; 9) купивши корову, телят не требовать, а больную назад возвратить; 10) женщине с женщиной в тяжбе биться на поединке самой, а за себя бойца не нанимать ни которой; 11) кто искать будет за бой с пяти или десяти человек, или сколько ни будет, то взыскивать как за один бой один рубль и пошлину одну князю¹³. В сей грамоте заметно уже отступление от Ярославовой «Русской правды» в числе пеней, а закон о поединке женщин нигде не бывалый. Но великий князь Московский Василий Иванович после покорения Пскова в 1510 году дал псковичам свою уставную грамоту, которая также не дошла до нас.

О псковских старинных обыкновениях и нравах, наравне с законами и уставами у каждого народа соблюдаемыми, мало известий оставили нам летописатели, потому что сии предметы в их время всем известны были и не требовали описаний. Гораздо более могли о сем писать иностранцы, бывавшие проездом или жившие во Пскове.

Но из них не позднее XV столетия имеем мы описателей, и то кратких. Недавно сделалось известным несколько подробнее сказание о псковичах одного немца, Самуила Кихеля, в путешественных его записках с 1585 по 1589 год, напечатанных в немецком пери-

¹² Корец – ковш. (Пед.)

¹³ Подлинная сия грамота напечатана в Истории государства Российского Н. М. Карамзина. Том V. Прим. 404.

одическом издании под названием «Архив для географии, истории и науки государственной и военной» в 1820 году в 86 номере¹⁴. Он говорит, что псковичи в рассуждении приезжих иностранцев имели строгую осторожность, расспрашивали их о причине приезда и к одним только торговым из них людям больше имели доверенности, а опасались наипаче приезжавших из любопытства и шпионов. В город ни немцев, ни других народов они не впускали даже и тогда, когда принимали от них складные грузы и товары, и все переговоры с ними производили на мосту – с Завеличья, в город ведущего, против немецкого двора, и там только позволяли им прогуливаться. Если же кто из них хотел ехать в Москву, то пропускали и через город, но с ведома и дозволения наместника великокняжеского. Город Псков, – описывает Кихель, – первый по Москве величиной и даже более укреплен, нежели Москва, а Новгород тогда был уже в разорении. «Градские здания, кроме городских каменных стен и церквей, – говорит он, – все деревянные, покрытые тесом, не исключая и дворов боярских, богатейших граждан и даже дворца великого князя. Ибо-де они думают, что каменные дома для жития нездоровы, а от сего при пожарных случаях нет там никакого спасения. Для погребения мертвых находятся за городом кладбища, и беднейших кладут в общую большую яму, выкопанную на четверть часа езды от города, под кровлей, и по наполнении, засыпав оную, выкапывают возле новую. При церквях же и в церквях погребают только богатых за вклады. В обращении они угрюмы и грубы; ни перед кем не снимают шапок; одежду носят опрятную, из хорошего сукна, покроем длинную, наподобие армянской, и между мужчинами и женщинами с малой разницей; обувь у мужчин и женщин подбивается железом. Женщины, когда выходят на улицу, то лицо закрывают, и одни только глаза их видны, а те считаются бесстыдными, кои сего не соблюдают. В самих домах своих женский пол имеет отдельное от мужчин жилище. Все вообще трудолюбивы, довольствуются малым, едят и пьют просто, без приправ; яблок и груш у них нет, но зато всякая зелень и овощи, а особенно много огурцов, коих за столом они могут съесть от 6 до 8; пьют много вина, и без оногo лучший пир ничего не значит. Но также переносят алчбу и жажду более, нежели какой другой народ может. Против неприятелей мужественны, но сопротивляются более в городах и крепостях, нежели в чистом поле, и потому, хотя польский король Стефан шестьюдесятью тысячами войска осаждал их город, но безуспешно. Товары, ими отпускаемые за границу, суть рухлядные меха куниц, соболей, рысей, лисиц и волков, также кожи воловьи, бараньи, лосьи, лен, пенька, сало, а к ним остзейцы привозят сукна, шелковые материи и всякие мелочные изделия. Торг, прежде производившийся через Нарву, в сие время обратился через Псков». Таковыми были по Кихелеву описанию псковичи в XVI столетии. Надлежит еще к сему примолвить, что барон С. Герберштейн, бывший во Пскове лет за 70 до Кихеля, заметил уже в псковичах отличие от предков их. Вместо учтивых и вежливых нравов у псковичей, говорит он, после уничтожения их свободы и поселения в их городе московских переведенцев ввелись у них и развращенные московские обычаи. Ибо-де прежде в договорах своих псковичи бывали так искренни, чистосердечны и просты, что не употребляли на обман покупателя никакого многословия и одним словом сказывали правду. Однако ж не во всем еще последуют москвичам, и, например, волосы носят не по русскому обычаю, а по-польски, разделенные на две стороны. Твердость их в обдуманных намерениях известна была наипаче лифляндским соседям, всегдашним их неприятелям. Лифляндский магистр Шпангейм, в 1417 году ведущий с ними договоры о мирном постановлении, уведомлял тогда прусского великого магистра, что сей народ как скоро что задумает, то его совратить от сего никак не возможно, и за то называл их «странными» и «упрямыми».

¹⁴ Arehiv fur Geographie, Historie Staats und Kriegskunst.

VII. О гербе и печатях псковских

Город Псков издревле имел гербом своим на общественных печатях и монетах бегущего в чистом поле зверя барса; неизвестно, по множеству ли здесь бывших зверей сего рода или для знаменования воинственного народного духа, или по преданию от общих предков их, кривичей. Ибо в «Собрании государственных грамот и договоров», изданном иждивением канцлера графа Н. П. Румянцева, тот же герб виден и на новгородских, и на смоленских древних печатях. На псковском при грамотах до XVIII столетия около барса по краям в окружности двух линий изображалась надпись: «Печать господарства Псковского», а с XVIII столетия по учреждении во Пскове провинции – «Печать государства Псковского»¹⁵. В Новгороде каждый конец города имел свою особенную печать¹⁶. Может статься, то же было и во Пскове, но до нас не дошли сии печати, а из дошедших все были величиной в грошевик и вытискивались только на черном воске. В архиве Псковского губернского правления отыскалось несколько и новейших разных таковых печатей с псковским гербом и с различными надписями, а именно: 1) серебряная с окружной надписью: «Печать Псковской провинции подушного сбора»; 2) медная с окружной надписью: «Печать П. П. полку полкового штабного двора»; 3) медная малая с окружной же надписью: «Губернского города Пскова»; 4) стеклянная с изображением в середине двуглавого орла, около коего между двумя линиями надпись: «П. Дворцовых Псковских». В первых трех из сих печатей над бегущим барсом изображена императорская корона, из-под нее из облака – простертая на барса рука. Еще там же нашлась и одна губная печать без герба с одной только строчной надписью: «Псковской губы Пахомовской». Все сии печати ныне сохраняются в ризнице Псковского кафедрального собора. Древнее изображение бегущего барса с прибавлением над ним из облака руки осталось и донныне в псковском гербе на голубом поле.

При сем достойно особенного замечания, что в Московском государственном архиве иностранных дел есть еще две круглые серебряные печати вислые – с ушками для цепочек или шнуров; обе разного чекана, но одинакового клейма, величиной в полтинник. Изображение на них выпуклостью представляет бегущего в чистом поле барса, а по краям между двух круговых линий надпись: «Печать господарства Псковского»; другая сторона гладкая, и у одной печати довольно истертая, вероятно от долговременного ношения. Гравированный отпечаток обеих их можно видеть в предисловии второй части «Собрания государственных грамот и договоров», изданного канцлером графом Н. П. Румянцевым. О сих вислых печатях псковских ничего в летописях не упоминается. Но у Нестора в договоре Игоря с греками 945 года упомянуто, что русские, приезжавшие в Константинополь, «ношаху послы печати золотые, а гости серебряные». Владимир Великий в 1006 году дал таковые печати и болгарским купцам. А Татищев замечает, что тысяцкие носили на шее гривну на цепочке. Может быть, не меньше имели права носить то же отличие и посадники. Посему, если принять и сии печати за гривны, отличительные для чиновников, или просто за печати гостей, то вероятно, что с 1510 года по уничтожении великим князем Василием Ивановичем во Пскове посадников и прочих гражданских чинов сняты с них и сии печати и отосланы в Москву¹⁷. Новгородские посадники и тысяцкие имели еще и свои собственные печати с именами и без

¹⁵ Из оставшихся государственных печатей и грамот великого князя Ивана Васильевича и сына его Василия видно, что они титуловались только великими князьями новгородскими и псковскими, и прочими, а царь Иоанн Васильевич сперва государем, а потом государем Псковским. Но псковичи в своих печатях до времен Петра I все еще удерживали титуло «господарства Псковского».

¹⁶ См. «Историю российской иерархии» А. Орнатского. Т. II. С. 391.

¹⁷ Оттиски сих печатей на сургуче есть в ризнице Псковского кафедрального собора.

имен для прикладывания к грамотам¹⁸. Может быть, то же было и у псковских, но оные до нас не дошли.

¹⁸ См. вышеупомянутое «Собрание государственных грамот и договоров». Т. I. С. 11 и 17.

VIII. О воинской силе псковской

Всеобщими промыслами псковичей были два: война и торговля. Первой стяжали они землю для поселения своего, а второй – продовольствие и богатство. Но по самому положению своей области они должныствовали быть народом больше военным, нежели торговым. С самого пришествия своего в сей край надлежало им бороться с дикими лифляндскими и эстляндскими чудями; с середины XII столетия – еще с литовцами, приблизившимися к их пределам и с XIII столетия основавшими уже столицу свою в Полоцке. В начале XIII столетия подселились к ним от устья Двины немецкие рыцари, а в Эстляндии – датчане; с XIV столетия сделались им неприязненными и братья их новгородцы, а с XVI века – и шведы, занявшие Эстляндию. Псковская летопись преисполнена известий о взаимных с соседями сими войнах, и редкий год проходил без нападений на псковичей с какой-нибудь стороны, а иногда и в одном году терпели они по несколько нашествий и опустошений. Но достойно замечания, что, хотя лифляндские и литовские летописи хвалятся неоднократным завоеванием Пскова, однако ж летопись Псковская с самого основания города сего признает одно только – в 1240 году взятие оного лифляндцами, и то изменой и предательством от своих же. Самую сильную осаду в 1581 году от польского короля Стефана Батория, продолжавшуюся неотступно более шести месяцев, а другую – в 1615 году от шведского короля Густава Адольфа в продолжение двух с половиной месяцев псковичи без всякой сторонней помощи выдержали мужественно и не уступили города своего, тогда как вся почти область их и многие новгородские города были уже завоеваны. Такое усилие против врагов, конечно, было для них трудно. Войска их в древние времена состояли из поголовного почти вооружения всех, способных носить оружие. Само вооружение и пропитание в походах у каждого было свое собственное, а не общественное. Надлежало иногда в одно время защищаться на разных пределах области, по суше и воде гнаться за неприятелем до его собственных владений, оставлять какой-нибудь запас охранного войска и дома, не упускать обрабатывания полей и других хозяйственных промыслов; и за всем сим псковичи часто успевали собирать достаточное число военных людей для отдаленных, даже в неприятельские земли походов, и для вспомоществования своим союзникам. С половины XV века войска их уже были не поголовные, но, как видно из Псковской летописи, разделялись на «охочих» и «рубленных»¹⁹, или выборных людей. Под годом 1496 упоминается, что по требованию великого князя Московского для похода на шведов и лифляндцев псковичи поставили с десяти сох по одному вооруженному всаднику, а в 1500 году для войны против литовского великого князя Александра они «порубились» с десяти сох дать одного коня на общее с новгородцами и великолучанами пешее войско, а с 40 рублей, или нарубок, – коня и своего человека в доспехах, то есть с полным военным вооружением. Из сего распоряжения можно заключить, что тогда доставало уже и сего способа набора ратников для составления войска, а таковые наборы у них продолжались до XVIII века или до первой подушной переписи. А выборное таким образом войско называлось «посохой», разделялось на сотни под начальством сотенных голов и на полки под руководством воевод. Татищев говорит, что в конце XVII столетия Псков, сверх двух стрелецких полков, у себя содержал еще для гарнизона городской крепости два своих собственных полка и сам определял в оные полковников и прочих чиновников.

¹⁹ Раздел земских повинностей по дворам, или сошным, работникам при общественных сходках обыкновенно назначался в волостях на колодах нарубками счета повинностей. От сего-то и назывался раздел сей «рубленным». Сей обычай нарубок доньше еще сохраняется в сибирских и некоторых украинских волостях и селах, и разрубить повинности или платеж значит у них разделить на участки. В Псковской летописи встречаются еще слова «поруб» и «порубленные люди» совсем в другом значении. Первое значит погреб, служивший темницей для заключенных, а последнее – людей заключенных.

IX. о торговле псковской

После военного промысла у псковичей вторым была торговля. Правда, торги произведениями их собственной области, судя по ее необширности, не могли быть велики. Но пока в ней находилось много лесов, то звериный промысел доставлял им пушные товары, дорого ценившиеся по всей Европе, а лесное пчеловодство по бортям – мед и воск, особенно последний, в великом количестве выходивший за границы. Ибо мед, гораздо лучший, привозили в Россию иностранцы. Долго и даже до XVIII столетия отпускали они по реке Нарве и корабельные леса, с коих одной пошлины в последние времена собиралось до 15 000 рублей. По очистке лесов земледелие и скотоводство усилены. Лен их и доныне почитается наилучшим из российского. Земля, по большей части иловатая и иловато-песчаная, удобренная известковым повсюду камнем, всегда производила хлеб за своим продовольствием с излишком для отпуска в Лифляндию и Эстляндию. На реке Рухе заведены были в 1364 году соляные варницы, но по невыгодности оставлены, и солью Псков довольствовался от ганзейских купцов, а частью – от новгородцев. По разным местам Псковской области видна железная руда, но нет следов железных заводов. Предание утверждает, будто бы древние псковичи добывали свое железо из железистого песка, находящегося на так называемой Железной горке, в двух верстах от Пскова. Но он не стоит обрабатывания. На реке Серебрянке много блестящего колчедана, по которому и река получила свое название. В конце прошлого столетия открыт еще около Изборска очень хороший алебастровый камень. Но если когда-нибудь богатело псковское купечество, то больше от переводных через свои руки товаров из чужих областей. Для новгородцев и лифляндцев псковичи были почти маклерами. Первые из обширных своих владений привозили к ним все в поволжских, северодвинских, печорских и азиатских странах добываемое; последние доставляли им металлы, серу, соль и многие ремесленные изделия европейские. Тем не менее торговля их всегда была в зависимости как от одних, так и от других. Новгородцы не уступали псковичам даже гораздо ближайших к ним, нежели к Новгороду, областей и городов, каковы были, например, Порхов, Холм и Великие Луки, потому что пролегающие по сим областям реки Ловать и Шелонь текут в Ильмень-озеро и способны к сплавлению туда окрестных произведений. Село Дубровна со стороны Порхова было границей между Псковской и Новгородской областями, а к северу всю полосу от рек Шелони и Плюсы до моря новгородцы включали в вотскую свою пятину. В последовавшие же времена они завладели и Гдовом, построенным псковичами. А со стороны Холма они владели по Пусторжеву и, наконец, самой Пусторжевой, за которой в Опочке уже была псковская граница. Правда, по рекам Плюсе и Нарве могли и псковичи сплачивать свои произведения, но только до Нарвы, а в Нарве были преимущественно склады новгородских товаров, подвозимых судами по реке Луге, на которой построили новгородцы для перепутья свой город Лугу и Ямбург, а еще ближе к морю – третий город, Копорье. В восточно-северной же торговле новгородской по Финскому заливу псковичи почти совсем не имели участия и довозили свои товары только до Новгорода, где имели свой складочный двор на торговой стороне города. Одни новгородцы отпускали свои суда к финляндским пристаням, куда приплывали к ним готландские и любекские купцы, доходившие иногда до Ладоги и до самого Новгорода, а с половины XII столетия имевшие уже и свой гостиный двор с церковью в Новгороде. С первых лет того же столетия сами новгородцы начали корабли свои отправлять прямо на остров Готланд, в славный торговый город Висби, где взаимно занимали они целую улицу, имели гостиный двор, магазины, маклеров и церковь своего исповедания. Из Новгородской летописи видно, что они тогда же плавали и до Дании. Посему псковичам оставалось участие в их торговле только с одними почти эстляндцами и лифляндцами через Чудское озеро в Дерпте, оттуда – в Пернове и Ревеле, и через печорскую границу и Себеж –

с литовцами. Но и эту промышленность трудно было защищать от притеснений литовских, от частых набегов эстляндских и финляндских чудей и от неверности их в договорах. В этом случае новгородцы могли тотчас отворачивать свой выпуск в другую сторону, а псковичи оставались в бездействии. С начала XIII века появившиеся на устье Западной Двины немецкие рыцари, вскоре покорившие всю Лифляндию и Эстляндию, выгнавшие оттуда всех россиян, с 1222 года запретившие лифляндцам платить Новгороду и Пскову дани, с 1223 года занявшие там торговый русский город Юрьев и населившие оный своими единоземцами с переименованием его Дерптом, положили первое затруднение псковской торговле в Лифляндии; а в 1228 году уступивши датскому королю Вольдемару II Ревельский, Везенбергский и Нарвский уезды, тем самым допустили и другую, не менее затруднительную преграду псковским купцам к морю. Тщетно псковичи совокупно с новгородцами старались от рыцарей возвратить Юрьев, а из Эстляндии выгнать датские войска. Новгородцам меньше было в том нужды, нежели псковичам, а потому и содействие первых было слабо. В этой крайности последние разорвали наконец с ними свой союз и искали его уже с рыцарями, с которыми в 1228 году заключили даже против новгородцев и литовцев оборонительный взаимный договор, давши с обеих сторон по восьми мужей в залог. Но этот военный договор не послужил оживлению псковской торговли. Рыцари уже не уважали ее в отдалении от новгородской, и хотя в Дерпте за рекой предоставили псковским купцам для поселения место, называвшееся с тех пор «русской слободой» и «русским концом», но в следующем же, 1229 году заключили особый торговый договор со смоленскими, полоцкими и витебскими князьями по Двине и тем самым отвлекли почти весь подвоз южных произведений ко Пскову. Таким образом, псковичи, обманувшись в своей надежде, примирились опять с Новгородом, но с тем вместе рушился их военный союз с лифляндцами, о чем ниже сказано будет подробнее.

При всех сих обстоятельствах торговля псковская постепенно упала, и уже в конце XIII столетия оживилась несколько – со времени принятия Новгорода и Пскова в союз северных ганзейских торговых городов, из коих данцигские и любекские купцы основали купеческую свою контору и во Пскове, завели маклеров и построили большой складочный двор на Завеличье – на левом берегу реки, повыше Иоанно-Предтеченского монастыря. Но завидовавшие этому лифляндцы тем более умножили свои нападения на Псков и его область. А в конце XV столетия после порабощения Новгорода, когда капиталы новгородцев начали оскудевать, то псковичи уже преимуществовали перед ними торговлей, а особливо когда великий князь Иван Васильевич за некоторые обидные слова, о нем выговоренные начальствующими в Ревеле, потребовав выдачи ему виновных и получив отказ, в 1495 году велел в Новгороде схватить всех немецких купцов и товары их отобрать в казну, то все ганзейские купцы, прекративши свою торговлю с Новгородом, действовали только через псковскую свою контору из Риги, Ревеля, Дерпта и, наконец, из Нарвы, а в Новгороде гостинный двор их с тех пор надолго запустел.

Х. О монете псковской

В торговле наилучшее посредство есть монета, и надежнее металлическая. Но ни новгородцы, ни псковичи до XV столетия не имели собственной, хотя прочие русские княжества еще в XIV веке начали уже бить свою. Нет сомнения, что задолго до того славянам всем известно было употребление греческих, римских и других европейских денег по сношениям с этими народами. У Нестора упоминается, что радимичи еще в IX столетии хазарам, а потом Олегу платили дань «шелегами». Но при торгах с чужестранцами они употребляли более замену своих земских произведений на их вещи. Драгоценнейшими из северных товаров почитались пушные меха, весьма уважавшиеся во всей Европе. Гельмольд, летописатель XII века, говорит, что страсть к этим мехам заразила как смертоносным ядом европейцев, и всякой-де желал нетерпеливо куньей или собольей шубы, как высочайшего блаженства. Поэтому-то куны у славяно-руссов сделались самой дорогой оценкой всех товаров. Бывали, говорит Герберштейн, у русских такие собольи меха, за которые чужестранцы платили по 20 000 и 30 000 червонцев. Другие, не столь дорогие меха, как то веверичьи или беличьи и прочие, служили уже дробной монетой. Вообще же они оценивали свои товары греческой литрой, называвшейся у русских гривной серебра или золота, то есть фунтом сих металлов по греческому и киевскому весу в 72, а по новгородскому – в 96 золотников, а равноценное этому количеству куньих или собольих, разумевшихся у них под именем черной куницы мехов называли «гривной кун»²⁰. Но поелику ни меха не могли быть все равноценны между собой, ни высокий ход их цены во внутренней торговле не мог быть особенно в дробях удобен, то как для постоянной цены гривны кун, так и для дробного расчета уставлены были клейменные лоскуты шкур под именем ногат, резаней, лобков, мордок и ушек. Все сии монеты иногда вообще назывались кунами, но была и особенная монета куна²¹. Употребление сих клейменных лоскутов началось издавна, и по времени они изменялись. Ибо в уставе Новгородского князя Святослава Олеговича 1137 года упоминаются «новые куны, выдаваемые Домажиричем». Нейштет, XVI века писатель лифляндской хроники, говорит, что у лифляндцев в XII веке ходили монетой «белыи ушки с серебряными гвоздиками в них». А монах И. Рубруквис, проезжавший через Россию к татарскому хану в середине XIII века, описывает вместо монеты ходившие и тогда у нас «клейменные красками» кожаные лоскутки. Но для дробного разделения и серебряных гривен были в ходу рубли и полтины из брускового литого серебра²². Наконец, в 1409 году, как сказано во Псковской летописи, псковичи оста-

²⁰ Гривна кун в сравнении с гривной серебра в различные времена изменялась, смотря по востребованию мехов или редкости серебра. Толкователи «Русской правды», изданной в 1792 и 1799 годах, утверждали, что в Ярославово время за гривну серебра ценились две, а в Мономахово время 7 ½ гривен кун. Но на чем основали они сие сказание, неизвестно. Из исторических же свидетельств видно следующее. Во-первых, в договоре Смоленского князя с рижанами 1228 года гривна серебра сравнена с четырьмя гривнами кун. В 1230 году при бывшем голоде новгородцы платили за четверть ржи гривну серебра, или семь гривен кун, как сказано в летописях. В 1409 году во Пскове за полтину серебра давали по 15 гривен кун. Но все эти снижения цены гривны кун должно разуметь о клейменных только лоскутках кожаных. Ибо невероятно, чтобы цена самих куньих и прочих пушных мехов доходила до такой дешевизны.

²¹ По сколько кун и их дробных монет считалось в гривне кун, о том не согласны мнения. Толкователи «Русской Правды» говорят, что в гривне серебра считалось 20 кун, в одной куне – 20 векошей; а монетами ногат в куне четыре, резаней в ногате восемь. Но Н. М. Карамзин по сличению разных статей «Русской Правды» и других известий выводит, что в гривне было 25 кун, векошей в куне – около 10, ногат в куне – 20, а резаней в куне – две. А в «Русской Правде» по списку Татищевой Новгородской летописи означены резани, где в других списках названы куны. Из сего следовало бы заключить, что куна каждая стоила одной резани, если только это не ошибка писца. Название монеты «ногата» есть и в прусских летописях, а в Эстляндии доныне *nahat* значит шкура. Впрочем, М. Т. Каченовский доказывает, что вместо шкурных денег надобно разуметь монеты металлические. См. «Вестник Европы», 1827 и 1828 гг.

²² Из найденных в 1821 году 16 мая в Новгороде близ Зверина монастыря в городском валу более пуда таковых серебряных брусков призматическо-пирамидальной фигуры, по концам округленных, оказалось, что некоторые из них длиной в четыре дюйма и от шести до восьми линий английской меры, весом от 44 % до 46 золотников; другие длиной в два

вили торги кунами (клейменными) и ввели иностранные пенязи, или пфеннинги. Для мелочной же между собой монеты продолжали еще употреблять «куньи мордки». Около того же времени и новгородцы пустили у себя в обращение вместо кун клейменных артуги немецкие и литовские гроши, а для мелочного размена оставили только бельи лобки. Но в 1420 году начали чеканить свою серебряную мелкую монету, а им последую, и псковичи в 1424 году тоже у себя определили на вече; торговлю же мордками отменили, и с тех пор уже не гривнами, но одними рублями и полтинами считали деньги не только свои, но и чужестранные. Таким образом, когда в 1473 году невеста великого князя Ивана Васильевича, греческая княжна Софья, проезжала через Псков, то в Псковской летописи сказано, что псковичи поднесли ей в подарок 50 рублей *пенязями*, то есть немецкими пфеннингами.

Новгородская и псковская серебряная монета величиной была одинаковая с нынешним серебряным гривенником. Клеймо их в разные времена было различное. Те и другие дошли до наших времен, а потому с точностью могут быть описаны. Псковской древней серебряной монеты доныне известно только пять клейм. На первых трех – с одной стороны погрудное изображение князя в большой на голове княжеской короне; в правой руке у него меч, приклоненный к плечу, а левая приложена к груди. Герберштейн, не рассмотревший этого, правда, грубого изображения, назвал его бычачьей головой. Но удивительно, что и наш Татищев, после него Г. Миллер и за ним другие, конечно, не выдавшие сих монет, ту же ошибку повторяли. Монеты эти может всякий любопытствующий видеть и по справедливости увериться в минц-кабинете²³ Московского общества истории и древностей российских, в кунсткамере С.-Петербургской академии наук и в ризнице Псковского кафедрального Троицкого собора. Различие их следующее: в первой около головы князя – восемь точек; у левого уха – буква «л», вероятно, имя мастера; на обороте строчная пропись: «Деньга Псковская»; края обеих сторон окружены точками. На второй монете около головы князя нет уже точек, кроме одной у правого уха, а у левого – буква «м»; на обороте бегущий барс с двумя рогами или длинными ушами на

дюйма четыре линии, весом от 21 ½ до 23 золотников (1 дюйм составляет 2,51 см, «линия английской меры», line, – 2,1 см, золотник – 4,2 грамма. – *Ред.*). Проба серебра во всех – 93. Если первые были рубли, а последние полтины, то в гривне серебра считалось два рубля, а полтин четыре. Толкователи же «Русской Правды» полагали четыре рубля в гривне. Если же разуместь малую весовую гривну в 48 золотников, равную немецкой марке, упоминаемой у Н. Карамзина в «Истории государства Российского» (Т. I. С. 125. Прим. 298), то меньшие бруски надобно почитать рублями, а большие – гривнами. На некоторых из сих брусков видны клейма с ликами святых, голова которых окружена венцом, а на иных – изображение каких-то птиц и животных; другие же вовсе без клейма.

²³ Минц-кабинетами называли в России примерно до начала XX века собрание монет и медалей (от нем. *Münze* – монета). (*Ред.*) голове и с длинным хвостом, вверх поднятым; вокруг него уже по краям подпись: «Деньга Псковская». На третьей монете около головы князя три точки, а на обороте просто строчная подпись: «Псковская». С 1510 года великий князь Василий Иванович, покорив Псков, переименовал клеймо псковской монеты, повелев чеканить сперва просто на одной стороне вместо псковского герба московский, то есть всадника, скачущего на коне со взмахнутым в правой руке мечом, а на обороте строчную надпись: «Деньга Псковская»; потом при этом же клейме с окружной надписью около всадника: «Государь всея Руси»; наконец, около всадника с окружной надписью: «Божиею милостию государь всея Руси», а на обороте строчная пропись: «Деньга Псковская Заманина» (имя мастера). На некоторых приметна под конскими ногами буква «ж». А в 1663 году царь Алексей Михайлович запретил уже во Пскове бить монету и штемпели отобрал в Москву. Впрочем, из сравнения денежных общественных подарков, дававшихся от новгородцев и псковичей великим князьям, послам, знаменитым гостям и в откуп неприятелю, замечено, что псковичи были гораздо беднее новгородцев и в деньгах, как и в произведениях своей области.

XI. О разных поколениях псковских князей и о важнейших происшествиях при них

В торговле, всегда требующей свободы и независимости имуществ, псковичам полезно было республиканское правление, но бывши вместе и военным народом, они для распоряжения войск и для походов на внешнего неприятеля весьма часто чувствовали нужду в постоянном единоначалии, высшем, нежели временные – и по большей части только годовые избираемые и сменяемые ими посадники и тысяцкие. Поэтому-то принимали они к себе князей. Первые из них назначаемы бывали великими князьями. Таков был и первый их князь Трувор, данный им Рюриком. После смерти Трувора в 124 году Псков состоял под управлением новгородских князей из рода великих князей киевских. Потом великий князь Владимир Святославич при разделении российских княжений дал Пскову особого князя Судислава, а после него Ярослав Владимирович назначил сына своего Вячеслава, после которого Псков опять считался под управлением новгородских князей. Но поелику князь Ярослав Владимирович при переходе из Новгорода на великое княжение Киевское дал новгородцам право самим себе избирать князей – то право это присвоили и псковичи. Поэтому-то, когда первые выгнали от себя князя Всеволода Мстиславича, то последние в 1137 году приняли его к себе, а по кончине его предоставили у себя княжение брату его Святополку Мстиславичу. После него Псков около 60 лет зависел опять от новгородских князей и иногда от них принимал себе особых, иногда же призывал к себе из рода смоленских и полоцких; но по большей части псковичи, бывшими всеми недовольны, сами же изгоняли их. А с 1226 года, отказавшись от всех, восемь лет управлялись своими посадниками. Обо всем этом первом периоде Псковского княжества история мало нам оставила достопамятных известий, и почти все происшествия тех времен связаны были с историей княжества Новгородского.

Важнейший период псковской истории начинается с XIII столетия, когда немецкие рыцари заняли Лифляндию. До пришествия их к устью Двины народ лифляндский издавна платил дань псковичам, как свидетельствует летописатель Арнольд, любекский аббат, живший в начале XIII века и дополнявший славянскую хронику Гельмольдову с 1171 до 1209 года, и также Станислав Сарницкий, польский дееписатель XVI века; а Матфей Страубич (in descriptione Livonia²⁴) говорит, что, когда первый лифляндский епископ Мейнгорд основывал (в 1186 году) город Ригу и ближние замки, то наперед испросил дозволение у Владимира Мстиславича, князя Псковского. Но эти новопоселенцы, начавшие обращать лифляндцев не только в свою католическую веру, но и в подданство, стали отчуждать их от подданства Пскову. Вышеупомянутый Арнольд пишет, что третий епископ лифляндский Альберт (бывший с 1199 года) запретил уже им платить дань Псковскому князю, за что князь часто нападал и на лифляндскую землю, и на город Ригу. Рыцари старались разными способами снискивать дружбу Владимирову и, наконец, переманив его к себе, дали ему в удел близ Риги Идумейскую область, а между тем время от времени, усиливаясь притечением к себе многих немцев, начали распространять свои владения. Скорые их успехи в покорении соседственных Пскову чудских племен, приближение завоеваниями уже ко псковским границам, набеги даже и на псковские, и новгородские земли и, наконец, в 1223 году завладение и русским городом Юрьевым приводили в страх псковичей. Тщетно старались они превозмочь их союзом с литовцами и призыванием новгородцев на помощь. Успехи нескольких походов, предпринятых совокупно с этими союзниками в Лифляндию и Эстляндию, были недолговременны; и, наконец, когда новгородцы согласились даже уступить Юрьев рыцарям, то

²⁴ В описании Ливонии (лат.). (Ред.)

псковичи, обманувшись в надежде на своих союзников, разорвали с ними дружбу и сами в 1228 году заключили оборонительный договор с рыцарями, обязавшись им помогать против Литвы, а от них требуя обороны от Новгорода. Ярослав, князь Новгородский, почитая это за измену Новгороду и наипаче оскорбясь тем, что псковичи выслали даже из города его приверженцев, объявил им войну и с войском дошел уже до Дубровны, однако же, услышав, что в защиту Пскову идут рыцари лифляндские, остановился. Между тем псковичи для переговоров выслали поверенных, которые объяснили, что не Псков изменил Новгороду, а сей оставил его без защиты. Такие упреки произвели то, что новгородские войска не послушались уже Ярослава и, отказавшись продолжать свой поход, пошли обратно. Впрочем, сим не кончилось взаимное несогласие, и псковичи в 1232 году приняли даже к себе недоброхотов Ярослава. За это Ярослав остановил пропуск к ним своих товаров, и наипаче соли, которой они пользовались большей частью из области новгородской; а это действенное всего заставило их смириться. Они выгнали от себя его неприятелей и приняли даже на княжение Юрия Мстиславича, шурина Ярославова. Но, с другой стороны, лифляндские рыцари, старавшиеся расстроить союз псковичей с новгородцами, подняли в 1233 году войну и продолжали ее три года. Вожатаями им при этом походе служили два бывших, изгнанных псковских же князя – Борис Игоревич и Ярослав Владимирович и вышеупомянутые недоброхоты Ярослава Новгородского, к ним перебежавшие. Они тайно провели отряд лифляндского войска под Изборск и внезапно взяли его. Псковичи, услышав, поспешили на освобождение этой крепости, обступили ее со всех сторон и, взяв там князя Ярослава Владимировича с новгородскими беглецами и несколькими лифляндскими чиновниками, отправили в Новгород к князю Ярославу Всеволодовичу, который, заковав их, сослал на заточение в Переславль. Но лифляндцы, в отмщение зашедши с другой стороны, напали на новгородские волости из-за реки Нарвы и взяли город

Тесов, в котором полонили боярина Кирилу Свининича и, отведши его в свой город Медвежьё Голову (Одемпе), содержали его там в оковах с 15 августа до Великого поста. Ярослав Всеволодович, узнав об этом, собрал свои и псковские войска, пошел вместе с шурином своим Юрием, Псковским князем, под город Юрьев (Дерпт), но, не доходя до него, остановился. Лифляндцы, выйдя из Юрьева и Медвежьей Головы (Одемпе), напали на передовые их отряды и, сбив, гнали за ними до главного войска, но оно двинулось, разбило их самих и погнало до реки Амовжи (Ембахи) к самому Юрьеву. Многие бежавшие, обломаясь на льду, потонули; а еще больше лифляндцев и немцев было побито и пленено; прочие, почти половина раненых, ушли и заперлись в городе. Ярославовы войска пустились потом по сторонам, разоряли, жгли и полонили окружные юрьевские волости, и принудили неприятеля просить о перемирии, которое и было заключено с ними на три года. Псковичи свято сохраняли мир сей, и когда в 1237 году рыцари, воевавшие с Литвой, попросили у них помощи, то они отправили к ним 200 лучших своих ратников с воеводой Ястребом. Однако же поход их, как и самих рыцарей, после первых успехов был неудачен. Ибо литовцы, сделав засаду свою в лесах, выманили неприятеля из крепких мест на чистое поле, и, окружив, разбили всех и побили знатнейших воевод, а войска всего едва десятая часть возвратилась домой. Лифляндцы, впрочем, не были благодарны псковичам за эту, хотя и неудачную, услугу, и при истечении перемирия Дерптский епископ Герман тотчас начал оказывать неприязненные действия на границах Псковской и Новгородской. Псковичи, со своей стороны, в 1240 году начали готовиться к войне. Епископ призвал себе на помощь лифляндского орденмейстера Германа де Балка и датского воеводу, занимавшего берега эстляндские. В этом походе с ними были и два датских королевича Абель и Канут, а всего войска их было до 100 000, как пишет Христиан Кельх. Ушедший опять в Лифляндию из заточения своего бывший Псковский князь Ярослав Владимирович взялся быть им вожатаем. Они подошли сперва к Изборску, осадили и взяли эту крепость, побили там до 600 псковичей и с ними псковского вое-

воду Гаврилу Борисовича, потом двинулись прямо ко Пскову. Встретившие их за городом псковичи были разбиты, а убежавшие заперлись с гражданами в стенах. Семь дней лифляндцы осаждали город и ничего больше не успели, кроме что сожгли за стенами посад. Но Ярослав имел во Пскове приверженца к себе одного, знаменитого гражданина Твердила, или Твердислава Ивановича, который тайно отворил лифляндцам одни ворота и неожиданно впустил их в город. Граждане, увидев среди себя неприятелей, не смели уже противиться, а Псковский князь Юрий немедленно выехал в Новгород, и за ним поспешили многие из лучших псковичей с семьями своими²⁵. Орденмейстер учредил тогда во Пскове свое правление, оставил там своих наместников и тиунов, а в числе первых определил изменника Твердилу; взял к себе в залог детей знатнейших граждан и потом пошел далее разорять новгородские волости по Шелонской пятине; наложил везде дани, построил в Копорье свою крепость, взял город Тесов и грабил новгородских купцов даже за 30 верст от Новгорода. Около двух лет лифляндцы владели всеми этими завоеваниями своими. К несчастью, тогда новгородцы расстроены были раздорами между собой и с князем своим Александром Ярославичем Невским, который от них даже выехал, и потому не только не могли они защитить псковичей, но и себя оборонять от нападений; а все южные княжества российские в то время страдали от нашествия татар, которые доходили уже за 100 верст и до Новгорода. Ужас и опасность со всех сторон заставили новгородцев смириться и просить защиты от князя Александра Ярославича, который, возвратившись в Новгород и узнав обстоятельно о завоеваниях лифляндцев, немедленно собрал новгородские, ладожские, карельские и низовые войска, пошел с братом своим Андреем поспешно через Копорье ко Пскову, побил всех немцев, властвовавших уже в Водской пятине новгородской, занял все пути и проходы и, войдя неожиданно во Псков, захватил всю рыцарскую стражу и лифляндскую чужь, сковал наместников рыцарских и отослал их в Новгород. Лифляндские летописи говорят, что он тогда 70 человек рыцарей и многих других немцев со всей их городской стражей изрубил, не пощадив и шесть человек, сдавшихся ему. Это происходило в марте 1242 года, когда еще Псковское и Чудское озера покрыты были льдом; а потому легко было предвидеть, что лифляндцы, услышав о перевороте во Пскове, поспешат кратчайшим путем к сему городу. Александр отправил сторожевой полк по льду на Чудское озеро и поставил его близ урочища Вороньего камня. Лифляндский орденмейстер, действительно, не замедлил явиться с сильным корпусом войск лифляндских, а встретив упомянутый полк, устремился на него треугольной колонной и разорвал его. Но Александр подоспел ему на помощь, и 5 апреля произошло на льду кровопролитнейшее сражение, кончившееся совершенным разбитием лифляндцев. До 400 или 500 пало рыцарей в бою, а 50 захваченных в плен ведены были по льду босыми до Пскова. Чудские войска все обратились в бегство; их гнали целый день до самого Сабилитского берега, и на пространстве семи верст побитые лежали кучами; а многие, проломаясь на льду, потонули. Новгородцы и псковичи готовились уже выступить на лифляндский берег, однако же поелику орденмейстер, устрасясь опустошений, прислал просить мира, обещав не только не вступаться в Лугские и Вотские волости, но и уступить некоторые латышские земли, то Александр доволен был этой покорностью неприятеля и с торжеством возвратился во Псков. Духовенство встретило избавителя своего с крестным ходом, а народ – с восклицаниями. Победитель, при этом случае подтверждая псковичам помнить оказанное им благодеяние, примолвил выразительные слова, записанные во Псковской летописи: «Се же вам глаголю, – сказал он, – аще кто из наследник моих и племенник прибежит в печали, или тако жить придет в Плесков, и не примете его, или не почтете его, и наречетесь вторая жидова».

²⁵ Лифляндские летописи говорят, что якобы Псковский князь сам сдал им город. Г. Арндт Псковского князя, сдавшего этот город и потом удалившегося, называет Ярополком. Но князя этого имени не было никогда во Пскове, и потому надобно разуметь или Юрия, в это время княжившего здесь, или Ярослава, изгнанного и вожатая лифляндцев, который, пребывая у них, продолжал именоваться Псковским князем и, введши их изменой Твердислава в город, мог хвалиться сдачей оного.

Псковичи, действительно, не забыли этого завещания, и когда Александров брат Андрей Ярославич в 1252 году согнан был татарами с великого княжения Владимирского, то дали ему они у себя убежище и для большей безопасности отпустили к лифляндским рыцарям, а по другим летописям – якобы в Швецию, и князем у себя во Пскове оставили другого его брата – Ярослава Ярославича Тверского, через три года от них перешедшего в Новгород. В его княжение в 1253 году Псков опять вытерпел сильную осаду и разорение окрестностей от лифляндцев. Все посады около стен города ими были выжжены, и псковичи не в состоянии отразить их ожидали только помощи от новгородцев, которые вскоре, пришедши, действительно избавили их и, совокупясь, пошли вместе на самих лифляндцев за реку Нарву, где взаимно произвели разорение и опустошение. После того заключили мир.

По отъезде Ярослава псковичи в 1258 году приняли к себе Александрова сына, Новгородского князя Василия, который бежал к ним от татар, пришедших с отцом его переписывать новгородский народ. Но за это принятие строго Александром были наказаны, и некоторым друзьям Васильевым нос и уши были обрезаны; другие были лишены зрения, а иным были отсечены руки. Сам Василий сослан был отцом на заточение в низовые по Волге стороны. Из сего можно заключить, что преступления его были более, нежели один побег. По смерти Александровой в 1263 году псковичи приняли к себе на княжение племянника его Святослава Ярославича, сына княжившего у них Ярослава Ярославича; а после него в 1260 году избрали вышедшего к ним из Литвы князя Доманта, который женился на внучке Александра Невского, дочери сына его Дмитрия Александровича. После Доманта предоставили они княжение сыну его Давиду. После него в 1327 году приняли они к себе на княжение убежавшего от татар Тверского великого князя Александра Михайловича, внука Ярослава Ярославича, и после него в 1339 году – сына его Всеволода Александровича. Таким образом, Псковское княжение оставалось около 100 лет в роде Александровом. Сверх того, и многие из его же потомков князья находили себе во Пскове убежище и защиту от гонений, как то великий князь Дмитрий Александрович Тверской, тесть Домантов, жил целый 1293-й и потом еще 1302 год во Пскове; равно и брат его Константин Михайлович нашел тут же себе безопасное пребывание; также и великий князь Юрий Данилович целый 1322 год пребывал у псковичей. Но княжившие во Пскове потомки Александровы по разным причинам кратковременно пребывали у них, а более у литовских своих сродников; и потому и Псков часто имел только наместников от них, а иногда от новгородских князей из Александрова же рода; во внутренних же гражданских делах управлялся своими посадниками. Один только Домант неотлучно княжил у них 33 года и оказал им важнейшие услуги беспрестанной почти защитой их, наипаче от лифляндцев, которые сверх многократных малых набегов на псковские земли трижды весьма великими ополчениями нападали на сам Псков, но всякий раз были побеждаемы и прогоняемы Домантом. Сверх сего, Псков обязан Доманту постройкой первой каменной крепости и весьма многими полезными учреждениями. В его правление псковичи около 1290 года вместе с новгородцами были приняты в Ганзейский торговый союз северных немецких городов, о чем сказано уже выше. Во все продолжение княжения потомков Александровых во Пскове родственные их союзы с литовскими князьями также полезны были для Пскова, по крайней мере спокойствием от литовцев, между тем как новгородцы, терзаемые внутренними раздорами и утесняемые великими князьями владимирскими и московскими, а потом и литовскими, с исхода XIII столетия начали уже терять права особенного своего княжения и состояли большей частью под управлением самих великих князей владимирских и их наместников; а со времени княжения великого князя Иоанна Даниловича Калиты, а именно с 1334 года, вовсе уже не имели князей русских и тщетно усиливались защитить свою вольность то принятием к себе литовских князей, то самоуправным противоборством московским великим князьям.

В 1341 году выехал из Пскова в Новгород последний рода Александрова князь Всеволод Александрович. Псковичи, в то время терпевшие нападения от эстляндцев, послали к нему просить для начальства себе хотя бы наместника. Но когда и он, и новгородцы по какому-то неудовольствию в том им отказали, то они, не надеясь уже на их защиту, обратились к Ольгерду, великому князю литовскому, имевшему уже некоторые владения и в Новгородской области, и у него испросили сперва вспомогательное войско, а потом приняли к себе на княжение сына его Андрея. Однако же поелику этот князь проживал более в Полоцке и чаще управлял посредством наместников своих, то завистливые новгородцы, не желая потерять прежних прав своих и влияния над Псковом, опять начали вмешиваться в их внутренние дела и даже присылали к ним своих наместников и посадников без их просьбы. Псковичи терпели пока эти насилия, но когда в 1347 году шведский король Магнус напал на северные новгородские крепости и, завладев Ореховцем, выгнал оттуда литовских Ольгердовых наместников, а новгородцы сами не в состоянии были защищаться и просили у псковичей помощи, то они договором истребовали от них: 1) дабы они впредь считали Псков не иначе, как меньшим своим братом, а не подвластным; 2) чтобы посадников своих к ним не присылали и псковичей не судили 3) и по духовным делам чтобы архиепископские наместники были не из новгородцев, но из псковичей же, и в Новгород духовных под суд не привлекали. Правда, договор этот после не всегда в точности соблюдался. Ибо новгородцы около самого Пскова долго еще удерживали за собой некоторые земли и для них имели во Пскове особого своего тиуна и печать. Притом и Псков имел частую нужду в помощи новгородцев, а от литовских князей мало получал ее. В самое то время, когда псковичи ходили на помощь новгородцам, лифляндцы, зашедши от реки Нарвы, опустошили псковские селения, подошли под самый Псков, выжгли Завеличье и вышли к Изборску, оставив следы разорения повсюду; а князь их Андрей Ольгердович, не заботясь о том, жил в Полоцке. Для этого-то в следующем, 1349 году они отказали и ему от княжения у себя и семь лет управлялись своими посадниками, а затем начали принимать к себе разных пришлых князей, между коими опять у них был и Андрей Ольгердович. Но все они мало делали им пользы, и они принуждены были прибегать с просьбами о защите то к новгородцам, то к великому князю Московскому. Наконец, когда по свержении татарского ига великий князь Московский начал приходить в силу и распространять власть свою на все удельные российские княжества, а князь Андрей отрекся в 1399 году за себя и за сына своего от княжения Псковского, то они начали просить себе князей уже у Московского великого князя, предаваясь ему в главное покровительство, а потому он начал именовать Псков своей вотчиной, и с сего времени начался третий важнейший период их псковского княжения.

Первым князем от великого князя Московского Василия Дмитриевича с 1399 года определен был во Псков зять его Иван Всеволодович Холмский. Но неизвестно, какие неудовольствия со стороны псковичей или сего данного им князя были причиной, что он не пробыл у них и полугода, и на место его прислан был другой – Даниил Александрович Ростовский со званием уже наместника великокняжеского. Это титул их князя означало ближайшую зависимость их от самого великого князя и предвещало уже ограничение прав их. Но неприятельские со всех сторон нападения от лифляндцев, от литовского великого князя Витовта и от Смоленского князя Юрия, со стороны же новгородцев совершенное почти оставление без помощи не позволяли еще им на это обратить свое внимание. Притом в шестилетнее этого наместника правление великий князь одолжил их присылкой на помощь московского войска с братом своим Петром Дмитриевичем. Но после обезопасения себя от внешних врагов, они вспомнили свою республиканскую вольность, вздумали обвинять князя Даниила в усилившейся в 1407 году у них моровой язве и выгнали его, а у великого князя требовали себе уже не наместника, но владетельного князя. Великий князь Василий Дмитриевич сделал им сие снисхождение и прислал им своего меньшего брата Константина, который застал Псков

опустошенным сверх язвы еще пожаром и от нападений эстляндцев, разоривших несколько псковских волостей за рекой Нарвой. Он послал к новгородцам просить помощи, но не получив, собрал из своих пригородов немного войска и 26 июня выступил в поход; 30 того же месяца переправился через Нарву и прошел Эстляндию даже до Порха, куда, как говорит Псковская летопись, со времен князей Доманта и Давида псковичи не ходили, а оттуда возвратился с добычей. Но и сей князь неизвестно зачем с 20 июля уехал в Москву и пробыл там около полугода. В отсутствие его псковичи вытерпели сильные нападения. Лифляндский орденмейстер Конрад Фитингоф в августе 1407 года с многочисленным войском своим и курляндским подошел почти под самый Псков и остановился в Туховичах у брода. Псковичи, собрав из ближних волостей немного рати, завалили броды и мужественно воспротивились его переправе, так что, простояв на сем месте без успеха четыре дня, пошел он назад, а псковская рать, догнавши его за Камнем на Логозовицком поле, 21 августа с ним сразилась, но была разбита, и легло на поле из них до 700 человек и три посадника. К счастью, орденмейстер не решился возвращаться к городу и ушел домой. Другой псковский отряд в лодках покусился было пойти за Нарву, но там, встретив эстляндское войско на озере в Осатке, обратился назад, бросив даже своих семь насадов²⁶. Весной лифляндский орденмейстер, совокупясь уже с Литвой, в начале февраля пришел опять с двумя корпусами на Псковскую область и с одним осадил город Велье, а с другим сам пришел под Демяницы и Залешье. Две недели разоряли они волости даже до реки Черехи, а князь Константин, хотя тогда уже и возвратился во Псков, но не вышел против неприятеля. Такое малодушие или, может быть, недоброхотство псковичам огорчило их, и они послали за прежним своим князем Даниилом Александровичем, княжившим в Порхове, а по прибытии его 2 февраля выслали от себя с презрением Константина. При Данииле лифляндцы опять появились небольшими отрядами под Велье, но вельянами и вороничами были прогнаны, а с осени заключено было с ними и с литовцами перемирие на год. По истечении срока неприятель опять вторгся во псковские границы и подходил даже ко Пскову, а потом прорывался и в новгородские пределы, но злобившиеся на Псков новгородцы ни себя, ни псковичей не защищали и даже пересылались особо с неприятелем псковским.

По кончине князя Даниила, случившейся во Пскове в 1409 году, псковичи у великого князя Московского Василия Дмитриевича испросили себе князя Александра Федоровича Ростовского, но, опасаясь уже ограничения прав своих и вольности, вздумали привести сего князя к крестному целованию в том, чтобы он не нарушал древних псковских уставов и обычаев. Однако ж предосторожность эта была уже тщетна. Присланные от великого князя все князья псковские в надежде на него, а может быть и по наставлению его самого, действовали самовластно, хотя с этого времени все давали Пскову присягу. С другой стороны, дабы обезопасить себя от Литвы, псковичи отправили к литовскому великому князю Витовту посадника Якима с двумя боярами и заключили с ним мир без участия новгородцев. Но в 1412 году выехал от них с неудовольствием князь Александр, и по их просьбе прислан к ним опять брат великого князя Константин, который примирил их с новгородцами, хотя и ненадолго, а через два года и он оставил Псков. На место его выпросили они себе князя Андрея Александровича Ростовского, но в 1417 году сами его выгнали, а приняли брата его Федора Александровича, который в 1420 году сам отказался от княжения. Следующие за ним князья иные присылаемы были от великого князя Московского, а иные без отношения к нему самими псковичами, по древнему праву своему принимаемы были, но редкие пребывали у них по несколько лет, и многие были выгнаны. Столь частые перемены князей, очевидно, вредны были самим псковичам. Но не видя в них надежной себе защиты против сильных соседей, особливо при союзе их между собой, они не знали, к кому лучше обратиться, а

²⁶ Судов. (Ред.)

часто и за саму приверженность к Московскому великому князю страдали от литовцев и от лифляндцев. В 1402 году Свидригайло, князь литовский, по согласию с Витовтом и с Прусским орденом, постановил даже договор: кем из них ни завоеван будет Псков, уступить его во владение рыцарям. В 1408 году Витовт хотел уже посадить своего князя во Пскове, а М. Стрыковский пишет, что якобы он в 1414 году действительно посадил в Новгороде и Пскове своих князей и обложил эти города податью. Но ни псковские, ни другие летописи наши не говорят этого. Впрочем, частые тех и других соседей иногда и без причины покушения на Псков доказывали это их намерение, а потому, хотя псковичи от времени до времени мирились с обоими, но не могли твердо быть уверены в их мире и тогда только бывали несколько спокойны, когда они между собой находились в раздоре. В 1415 году литовский великий князь Витовт, идучи войной на Новгород, подошел и ко Пскову и, несмотря на заключенный за пять лет до того мир, взял со псковичей откуп; а в предыдущем году, летом, юрьевцы в Нейгаузене изрубили одного псковского посла и взаимно псковичи – юрьевского, несмотря на бывшее также перемирие. Но иногда и при раздоре литовцев с лифляндцами псковичи находили себя в затруднении. Таким образом, в 1417 году Витовт, намереваясь напасть на рыцарей, прислал требование ко псковичам, чтобы они разорвали мир с ними и шли на них войной, но псковичи, опасаясь больше вероломства Витовтова, отправили с известием об этом требовании в Ригу послов своих Юрия и Данилу, которые при посредстве бывшего там же посла великого князя Московского 8 ноября в Киремпе подписали договор о продолжении обоюдного мира еще на 10 лет с обязательством, чтобы иметь взаимную свободу торговли, чтобы в обидах с обеих сторон решаться судом, а не оружием, и чтобы не давать проход через свою землю врагам чьей-либо стороны. Но в этот союз не включен был Дерптский епископ, с коим продолжались несогласия псковичей о границах и прочем. Он даже просил Витовта о посредстве между ними и присылал о том грамоту псковичам, но без успеха. В 1421 году Витовт опять повторил им требование идти с ним на рыцарей, и хотя они через посольство ему ответствовали, что у них давно уже заключен мир с лифляндцами и обязательство не помогать ему, но оправдание это было не принято, и с тех пор начал он им отомщать набегами; а около этого времени часто возобновлявшаяся во псковских областях моровая зараза, неурожай хлеба, также притеснения от новгородцев еще более изнуряли их. Три раза отправляли они послов к великому князю Московскому Василию Дмитриевичу, зятю Витовтову, просить, чтобы он умирил его или защитил бы Псков силой, но помощи не получили. В 1424 году и к Витовту посылали они посадника с боярами, но тот встретил их с яростью. Потом обратились они к лифляндцам и подтвердили с ними еще мир на три года, но, кроме этого, ничего не получили. Князья, присланные им от великого князя Московского, даже и по выбору их, только что спорили с ними о власти, а при бедствиях оставляли их.

В 1426 году от моровой язвы и от нашествия литовского великого князя Витовта князь их Федор Патрикиевич постыдно ушел в Москву. А поелику тогда уже скончался Московский великий князь Василий Дмитриевич и на престол его вступил малолетний сын его Василий Васильевич, то псковичи решились не просить у него нового себе князя и три года управлялись посадниками своими.

Между тем Витовт с 29 июня 1426 года, объявив войну Пскову, собирался уже вступить в области его. Ф. Гадебуш пишет, что к этой войне склонил его Дерптский епископ, претерпевший в то время разорение от псковичей. Первого августа со своими наемными богемскими, валашскими и татарскими войсками явился он к Опочке и осадил этот город. Псковичи успели туда прислать только 50 человек засадных ратников с орудиями, но и эта помощь была достаточна опочанам при их собственной храбрости, достойной замечания. До прихода еще неприятеля они повесили тонкий мост перед воротами своей крепости на веревках и под ним набили острые колья, а когда осаждающие взбежали на него, то подрезали они веревки и, таким образом, посадили множество их на колья; захваченных же в плен

мучили на виду у самого неприятеля. Сверх того, кидая из-за стен камни и бревна, мужественно отразили врагов и многих из них побили под стенами, а через двое суток заставили их отступить. Витовт оттуда пошел к Вороничу и с 5 августа три недели держал в осаде эту крепость, разбивая стены пушками и бросая через них камни, но взять также не смог. Псковичи по просьбе вороничан прислали туда к нему посадника своего Федора Шибалкинича с боярами для переговоров, но он ни на что не согласился и, уже будучи утрачен в ночи грозной нашедшей на войско его тучей, дал вороничанам перемирие, и то для размышления только о сдаче. От Воронича разослал он войска под другие псковские крепости. Ближайшие оттуда были Вильевская, Вревская и Котельная. Первую защищали островитяне своими набегами на неприятельские станы и побили несколько татар, стоявших в лесу; вторую оберегали сами вревичи, а в третью псковичи отправили двух своих посадников – Сильвестра и Федора Шибалкинича с 400 ратниками; но они, подходя туда, неожиданно нашли 7000 литвы и татар, которые, напав на них, 17 человек убили, а 13 захватили. Прочие, однако ж, сражавшись с ними храбро и положивши многих на месте, пробившись к крепости и, в ней засевши, затворились. Во Пскове готовились также к встрече Витовта и уже обожгли около города все посады, а к новгородцам и к великому князю Московскому сколько ни посылали с просьбами, но помощи не получили. Псковская летопись говорит, что новгородцы, хотя и отправляли к Витовту послом своего посадника, но псковичам же назло; а великий князь Московский Василий Васильевич тогда занят был войной с братом своим Юрием Дмитриевичем. Поэтому псковичи решились еще сами склонить Витовта к миру и отправили к нему двух посадников – Якима Павловича и Феодосия Феофиловича с боярами. Некоторые летописи говорят, что с ними был и посол великого князя Московского, ходатайствовавший за псковичей. Во многих переговорах они умоляли Витовта склониться и 25 августа помирились на условии – заплатить ему 1000 рублей в Вильне 6 января. Псковских пленников, взятых под Котельным, он тогда же выдал на поруку посадникам с тем, чтобы они представили их в Вильну же. В следующую зиму псковичи посылали опять в Москву к великому князю посадника Юрия Тимофеевича с боярами просить, чтобы он для посредства между Витовтом и ними прислал своего посла, который и был наряжен. С ним отправили они при своих двух посадниках и боярах в Вильну как договорные деньги, так и котельнических пленников. Но Витовт, приняв деньги, засадил у себя и пленников, не уважив и великокняжеского посла. Одна летопись говорит, что он даже обязал великого князя Московского присягой не вступаться ни за новгородцев, ни за псковичей. Уже второе к нему посольство, отправленное за три недели до Великого поста, освободило пленников, обещав за них еще откуп 450 рублей, которые к Покрову дню – на срок, назначенный ему, – и доставили. При заключении этого мира Витовт, умышлявший напасть и на новгородцев, истребовал от псковичей еще обязательство, чтобы они им не помогали. В самом деле, в следующем же, 1428 году он явился под Порховом и взял с порховитян и новгородцев 15 000 рублей, а по Новгородской летописи – 10 000 рублей, и сверх того за пленников 1000, по другой же летописи – 3000 рублей.

Но едва кончилась война с Витовтом, как лифляндцы по истечении трехлетнего перемирия начали нападать на псковских людей и, во-первых, убили шесть человек опоческих бортников, потом на верховье реки Великой много пожгли селений и порубили поселян, а наконец начали и сено косить на псковских землях при озере. Псковичи, отправившись по озеру на двух насадах, сено, ими накошенное, сожгли, а семь человек чухонцев у Выбудска повесили. Можно было за этим ожидать новой войны, но все кончилось переговорами и миром с рыцарями и Дерптским епископом по-прежнему. Оставались им одни только враги – новгородцы, у которых каждый год просили они примирения, но едва получили его в 1434 году.

Вскоре по заключении перемирия с лифляндцами псковичи решились опять принять себе князя и послали к великому князю Московскому просить прежде бывшего у них Алек-

сандра Федоровича, который и дан был им. Но он прислал к ним сперва только своего сына Дмитрия, а сам, по вторичной уже просьбе их, прибыл к ним в 1429 году, через три месяца. В правление его по смерти Витовта происшедшие в Литве междоусобия о наследии престола между Сигизмундом и Свидригайло, князем литовским, принятым в покровительство и от великого князя Московского, потребовалось и со стороны псковичей обеспечение своих границ от Полоцка, где княжил беспокойный Свидригайло. Они в 1432 году отправили к нему посольство, которое, однако же, в первый раз было без успеха. Уже второе сумело с ним заключить мир на Витовтовых условиях, а сверх того, взаимно положено в нужных случаях друг другу помогать войсками. По заключении сего союза через два года выехал от них в Москву со всем домом князь Александр, оставив княжить во Пскове зятя своего князя Владимира Даниловича, который успел помирить их и с новгородцами. Он принял княжение без позволения великого князя, потому что тогда о великом княжении Московском происходили еще споры между князьями Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем. Но когда первый утвердился на престоле, то прислал было своего им князя Бориса Васильевича, однако же псковичи выпросили Владимиру дозволение оставаться у них, а через три года сами выгнали его и без отношения к великому князю приняли к себе литовского князя Александра Ивановича. Великий князь, имевший тогда войну с новгородцами, оставил без внимания этот их поступок, а только потребовал от них, чтобы разорвали они свой мир с Новгородом, возвратили ему мирные свои договоры, а ему дали вспомогательное войско. Псковичи беспрекословно исполнили это требование и даже усердно содействовали. Ибо пока между великим князем и новгородцами происходили переговоры, князь Александр с псковским войском вступил в новгородские пределы и на 300 верст от Порхова в длину, а на 50 в ширину опустошил новгородские волости. Но и новгородцы, со своей стороны, в отмщение вторгались также во псковские. По окончании войны благополучно возвратился он в Псков, а при случившейся в 1442 году здесь сильной моровой язве, заразившись, скончался. Тогда великий князь уже без выбора и просьбы псковичей прислал им своего наместника, князя Александра Васильевича Чарторижского, и повелел ему присягнуть уже не одному Пскову по-прежнему обыкновению, но вместе и себе. Такая двоякая присяга княжеская была первой во Пскове и означала явно, что князья, правящие этим княжеством, были уже прямые вассалы, или подданные великого князя. Кажется, псковичи сперва воспротивились этой новизне. Ибо хотя князь Чарторижский прибыл к ним 3 марта 1443 года, но в должность совершенно вступил уже 25 августа – по прибытии нарочных послов великокняжеских, в присутствии коих он в Троицком соборе возведен был на княжение и дал вышеупомянутую присягу. Впрочем, князь этот ревностно защищал права и владения псковичей, успешно воевал за них с лифляндцами и заключил с ними выгодный мир. Но через три года (в 1447) оставил Псков и перешел к новгородцам в звание также наместника, несмотря на просьбы псковичей, умолявших его у них остаться. Поводом к этому было тогдашнее замешательство в великом княжении Московском, которым завладел князь Дмитрий Шемяка, ослепивший великого князя Василия Васильевича, а новгородцы и сам князь Чарторижский были привержены к Шемяке и готовились защищать его всеми силами. Однако ж не оставил он и Пскова без защиты, и в том же году, когда лифляндцы, шведы и прусские рыцари напали на новгородские и псковские границы, то он с новгородским наместником Василием Гребенкой ходил на них за реку Нарву и прогнал всех, а в следующем, 1448 году прислал во Псков на место свое княжить упомянутого же Гребенку, который в

1449 году вместе с новгородцами заключил на 25 лет мир с лифляндским орденмейстером и Дерптским епископом и возвратил все, завоеванное ими у псковичей.

Между тем произошел переворот в Московском великом княжении, которое занял опять великий князь Василий Васильевич, а Дмитрий Шемяка был изгнан и сам договором уступил ему оное, но после возмущился и в

1450 году при Галиче был разбит Василием, ушел к новгородцам, у коих в 1453 году и скончался. В следующем году сын его, князь Иван Дмитриевич, бывший также в Новгороде, опасаясь гонения Васильева, приехал из Новгорода во Псков. Псковичи, согласно с новгородцами державшиеся стороны Шемякиной, встретили этого князя с крестами у Дмитриевской церкви на Пскове-реке, содержали его у себя три недели, а для большей безопасности отпустили в Литву, подарив ему на вече 20 рублей. Эти знаки приверженности к Шемякину роду не могли быть приятны великому князю, но он питал гнев свой больше на новгородцев и князей их – Чарторижского и Гребенку. Они сами предвидели уже неминуемую себе войну, и для приготовления к ней вызван был в 1455 году из Пскова в Новгород князь Гребенка, а псковичи послали в Руссу звать к себе опять князя Чарторижского. А так как он нужен еще был новгородцам, то и оставался у них до окончания войны. Поход великого князя на Новгород действительно последовал в следующем, 1456 году, и князь Гребенка, предводительствовавший войсками новгородскими, разбит будучи, прислал ко псковичам просить помощи. Немедленно собрано было войско и отправлено к Новгороду с двумя посадниками, а сверх того, к великому князю посланы поверенные для посредства и ходатайства о мире. Известно, что война эта кончилась усмирением новгородцев и отнятием у них многих прав и вольностей. Но псковичам, как слабейшим их братьям, прощен был пока их проступок, и даже не воспрепятствовано было им опять принять к себе великокняжеского недоброхота, князя Чарторижского, который пока усердно и ревностно защищал их от обид и нападений лифляндцев; а в 1460 году он опустошил лифляндские селения на 70 верст. Но княжение его без соизволения великого князя для псковичей было ненадежно. Поэтому когда в январе того же, 1460 года великий князь вторично прибыл в Новгород, то они отправили к нему двух посадников и бояр из всех концов с подарком – 50 рублей, и, как гласит Псковская летопись, «повелеша им бити челом господину и осподарю великому князю о жалованьи и о печаловании своея отчины, мужей пскович, добровольных людей, что есми приобижении от поганых немцев и водою и землею и головами, и церкви Божии пожжени от поганых немцев на миру и на крестном целованьи, и потом бити челом великому князю о князе Александре Васильевиче, чтобы ему быть наместником, а во Пскове князем». А князь великий отвечал: «Яз вас свою отчину хошу жаловати и боронити от поганых, якож отцы наши и деды наши великие князи. А что вы повестуете о князе Александре Чарторижском, о том вас свою отчину жалую, аж только поцелует крест животворящий князь Александр ко мне к великому князю и к моим детям к великим князем, что ему зла на нас не мыслити, ино буди вам князь и от мене наместник». Но Чарторижский, конечно, не доверяя уже этому снисхождению, не согласился присягнуть ему и детям его и, несмотря на просьбы псковичей, чтобы не остав- лял их, выехал в Литву.

Как скоро услышал о том великий князь, то немедленно назначил и послал во Псков князем сына своего Юрия со своими боярами. Посадники и псковские бояре встретили его за границей, на Дубровне, а псковские игумены и все священство – за градской стеной с крестами, против церкви Старого Вознесения, и оттуда довели его в соборную Троицкую церковь, где воспели ему многолетие, и по осенении крестом посадили его на княжеском месте, поднесли ему меч Домантов и потом проводили на княжий двор. Лифляндцы, услышав об этом, немедленно прислали к нему просить мира, и им назначено было вести о том переговоры в Новгороде, где в следующем же году и был заключен он на пять лет. Но князь этот не располагал пребывать во Пскове и через три недели и два дня поехал в Москву. Во все время его пребывания псковичи оказывали ему всевозможные почести, а при отъезде подарили ему 100 рублей и проводили за рубеж 20 верст; по просьбе же и собственному их избранию прислал он им наместником князя Ивана Васильевича Стригу, которого они по-прежнему обыкновению привели в Троицком соборе к присяге Пскову. Но через год не захотел он у них оставаться и выехал в Москву. Псковичи, может быть, чувствуя свою вину, вме-

сте с ним послали одного своего посадника и несколько бояр к великому князю – поднести ему в подарок от города 50 рублей – и просили, дабы он «печаловался своею отчиною мужей псковичей, добровольных людей», как выражается Псковская летопись. Они умоляли прислать к ним на княжение самого сына своего Юрия. Но великий князь, приняв милостиво их послов и подарок и обещав им продолжение своего покровительства и защиты, не отпустил, однако ж, к ним сына своего, а назначил другого наместника – князя Владимира Андреевича, без их выбора, и с этих пор лишил уже их права заключать мир и союзы с соседями без его дозволения. Псковичи принуждены были беспрекословно принять это повеление. Но в 1462 году, когда скончался великий князь Василий Васильевич, оставив престол свой юному еще сыну своему Иоанну, то они восстали на своего наместника князя Владимира, обругали его на вече, сопхнули даже его со степени, как сказано во Псковской летописи, и с бесчестьем выгнали; а потом, надеясь на послабление себе от юного великого князя, послали в Москву одного посадника с несколькими боярами требовать себе не наместника, но князя по собственному их выбору. Великий князь сначала изъявил гнев свой послам сим и три дня не допускал их к себе; наконец, предоставив дерзость их рассмотрению потом, позволил им, по старому обыкновению, выбрать себе князя, однако ж с тем, чтобы представить ему через послов на утверждение его наместником своим. Они избрали себе князя Ивана Александровича Звенигородского, которого и великий князь утвердил; а сверх того, в защиту им от лифляндцев, нападавших тогда на их селения и исады, прислал им и вспомогательное войско с воеводой князем Федором Юрьевичем, который с 15 июля вошел в лифляндские земли, осадил Нейгаузен и к сентябрю принудил Юрьевского епископа заключить на девять лет мир с уплатой дани по древним грамотам и с обещанием не обижать живших в Юрьеве русских купцов и не притеснять русских церквей. По окончании этой войны псковичи подарили воеводе 30, а всем боярам его 50 рублей и отпустили их с честью.

Но в 1466 году и князь Иван Александрович, не захотев оставаться у них, выехал в Москву, а на место его в следующем году прислан был по желанию самих псковичей князь Федор Юрьевич, защитивший их от лифляндцев. Он по примеру прежних князей псковских встречен был с крестами и присягал Пскову довольствоваться пошлиной по старине, а псковичи, со своей стороны, сделали ему пожертвование некоторых прав своих, а именно: до сих пор они позволяли великокняжеским наместникам определять своих наместников только в семи пригородах, или уездных городах. В прочие же посылали вечем избранных, но князю Федору Юрьевичу они уступили право наместников определять во все пригороды и ими производить суд. Однако ж дабы эти наместники уездные не присвоили себе и распоряжения всеми волостями, то псковичи по приговору на вече в следующем же, 1468 году разделили все пригороды, старые и новые, в ведомство по два каждому концу города Пскова по жребию, и эти жребии снимал с престола юный сын князя их, Василий Федорович. Впрочем, все эти уступки князю Федору Юрьевичу не сделали его благодарным псковичам. Он даже не успел или не захотел примирить их ни с Казимиром, польским и литовским королем, в пограничных распрях, ни с лифляндцами, обижавшими их, ни с новгородцами, нагло притеснявшими псковских купцов и даже проезжих в Москву послов; а после похода великого князя на Новгород, против которого в помощь ему и псковичи отправляли в 1471 году свои войска, он начал посылать на них к великому князю жалобные и доносные грамоты, а им делал разные притеснения; и когда они в 1472 году отправили в Москву своих послов с жалобами на него и с прошением другого себе наместника, то он, узнав об этом, на другой же день вышел на вече и, сложив с себя крестное целование, поехал сам за послами в Москву. Псковичи, несмотря на обиды от него, дали ему провожатых – одного посадника с детьми боярскими и сотскими и с прислужниками, снабдив их на дорогу припасами до рубежа, но он, заведши их за рубеж, отнял у них всех коней и, самих ограбив, едва не нагих отпустил во Псков. Прибывшие в Москву послы принесли великому князю жалобу и про-

сили во Псков наместником прежнего князя Ивана Стригу, но им в том было отказано, а позволено только избрать себе иного. Другие приехавшие послы просили в наместники себе или князя Ивана Бабича, или Стригина брата Ярослава. Последний из них был им назначен и отпущен, а между тем отправлен был во Псков особый великокняжеский посол для переговоров и подтверждения мира с лифляндцами, нарушившими его. Однако ж переговоры эти были безуспешны, и псковичи принуждены были у великого князя просить вспомогательное войско для похода в Лифляндию. Им прислано было войско из разных городов и из татар великое множество под предводительством князя Данилы Дмитриевича Холмского и многих воевод и бояр, в числе которых одних князей насчитывалось 22. Все они прибыли во Псков в конце ноября 1474 года и остановились на Завеличье. Но поелику осень тогда случилась дождливая, так что везде сделались разливы, то войска девять недель простояли у Пскова в тягость и изнурение только гражданам; а между тем в конце декабря приехали юрьевские послы просить перемирия, потом и мира. Вслед за ними и лифляндский орденмейстер с просьбой о том же. По нескольким переговорам сперва заключен был 7 января мир на 20 лет с орденмейстером, который сверх других условий обязался уступить захваченные им псковские земли и воды, не выпускать в псковские границы корчемного питья, пива и меда, не иметь застав для послов и купцов псковских и давать им везде безопасный проезд. Во время этих переговоров пришло еще в помощь Пскову и новгородское войско, но оно только более отяготило граждан. После заключения мира с орденмейстером заключен был псковичами, а также и новгородцами, 13 января мир под теми же условиями на 30 лет и с юрьевцами. Таким образом, все обошлось без войны, и псковичи 30 января отпустили князя Холмского, проводив с кормом и честью его и все войско до границы, а притом подарили князю с боярами 200 рублей. Но при этом случае они сделали перед великим князем важный проступок, который подал повод к скорейшему ограничению их прав и вольности. Вместо того чтобы отправить в Москву нарядное из почетных людей посольство с благодарностью государю, они послали к нему в Великий пост только гонца с благодарной грамотой, а этот гонец, возвратившись 8 апреля, привез им известие о великом неудовольствии государевом. Тогда, почувствовав свою ошибку, просили они своего князя Ярослава поехать в Москву для умиловления великого князя и нарядили с ним трех посадников, детей посадничьих и бояр из всех концов, поручив им поднести государю в благодарность от Пскова 100 рублей. Все это посольство отправилось уже 19 мая. Но великий князь не принял их и даже из Москвы с подворья выслал на поле, где они, простояв пять дней в шатрах, возвратились без ответа во Псков 23 июня. Один только князь их Ярослав остался в Москве и, вероятно, сумел несколько успокоить гнев государев. Ибо вслед за псковскими послами через несколько дней государь прислал во Псков нарочного с повелением, чтобы присланы были в Москву опять послы без лишнего наряда. Посему в конце июля отправлены были туда другие три посадника и несколько посадничьих детей и бояр с подносом государю 150 рублей. Это посольство и дар их государь принял и обещал Пскову продолжение своего покровительства и защиты, но в то же время потребовал от них, чтобы выданы ему были все от прежних великих князей жалованные псковичам пошлинные грамоты. С этим повелением отпущены были послы домой, а Ярослав пока оставался в Москве и возвратился в Псков уже 13 ноября 1475 года. Но вступив в правление, конечно, по данному ему наставлению начал судить и пошлины взыскивать не по старому обыкновению: брал на посыльных своих двойную за езду плату, а по пригородам и наместники его брали взятки и на себя, и на него, и пошлины наместничьи вдвое. Псковичи отправили к великому князю трех посадников с жалобами и с представлением своих пошлинных грамот, но он, взглянув только на эти грамоты, отдал им назад и сказал, что те грамоты писаны не великими князьями, а им подтвердил, чтобы они все требования князя Ярослава исполняли. Псковичи отправили второе посольство с жалобной грамотой, что Ярославовы требования не по старине и им несносны, но великий князь отвечал

только, что пришлет к ним своего посла рассмотреть о всех тех управах. В следующем, 1476 году, когда по жалобе новгородцев на притеснения от своих посадников и прочих чиновников приехал для управы в Новгород сам великий князь, то псковичи в ноябре отправили туда четырех своих посадников и по два человека бояр из всех концов, и детей посадничьих с подарком 50 рублей просить его, чтобы он держал свою вотчину Псков по старым обыкновениям. Великий князь вызвал Ярослава в Новгород, а псковичи, провожая его 12 декабря, на вече подарили ему 20 рублей на дорогу и просили, чтобы и он ходатайствовал за Псков. Но он, прибывши в Новгород, начал сам жаловаться на посадников и на весь народ. Поэтому великий князь псковским послам, отпуская их, обещал только прислать на срочные дни с Ярославом своих послов для рассмотрения дел. С этим ответом псковские поверенные возвратились, а за ними через неделю, 31 декабря, – и Ярослав с послами, отпущенными только на пять дней в оба пути. Послы эти без всякого разбирательства объявили, чтобы псковичи за вины свои просили у Ярослава прощения и впредь платили ему наместничьи деньги за езду вдвое, наместникам его по городам – пошлины княжеские, поземельные суды – по старине и пожженной оклад с каждой копны, с изгородного прясла и с падалины лошадиной. А если не исполнят этого, то государь с ними управится. Посадники и весь Псков заплатили Ярославу на вече пени 130 рублей, взыскали и великому князю все уреченные пошлины и обещались впредь все требования его и наместников его выполнять. Для донесения об этом Ярослав с послами 5 января сам отправился в Новгород. С ним и псковичи отправили двух своих посадников просить великого князя, чтобы он жаловал свою вотчину Псков. Великий князь доволен был их послушанием и подтвердил им, сказав: «Кого к вам о своих делах ни пришлю, и выб есте меня слушали, а ему верили, как и мне великому князю и моей грамоте». Этим кончился весь суд, но с возвращением Ярослава, прибывшего во Псков уже 4 февраля по провождении великого князя из Новгорода, притеснения умножились. Псковичи 15 июня отправили из всех концов бояр своих со слезной жалобной грамотой и с просьбой в Москву, чтобы великий князь вывел Ярослава за великие от него и от наместников его по пригородам и волостям насилия и дал бы им князя Ивана Александровича Звенигородского. Но великий князь сказал только им, что пришлет своего посла для произведения суда по своим «засыльным грамотам, а не по их старинам, как его прародители держали свою отчину Псков». Псковичи 27 августа отправили других послов опять с грамотой, ссылаясь на свое древнее право выбора себе князей и прося дать им князя Ивана Бабича, потому что князь Иван Звенигородский тогда уже скончался. Но и эта просьба их не была уважена. Ярославовы не только наместники и чиновники, но и дворовые между тем своевольничали во Пскове. А в 1477 году 2 сентября дошло до открытой драки у псковичей с княжескими дворцами. Случай к сему важному впоследствии происшествию был самый маловажный. Некто псковитянин вез с огорода по площади мимо княжьего двора капусту. Один из княжеских дворцов, сняв кочан, дал князьему барану. От этого произошла сперва ссора, в которую вступились многие псковичи и взошли на княжий двор, где пьяные княжеские дворцы кинулись на них с ножами. Псковичи оборонялись от них камнями. Потом все выскочили на площадь; первые устремились на всех встречных и, сверх ножей, начали стрелять из луков стрелами. Тогда псковичи вооружились уже дрекольем и убили княжьего повара. Здесь явился и сам князь Ярослав, пьяный, в панцире, и начал стрелять. Тревога сделалась по всему городу. Стеклись на площадь и посадники, и бояре, и житейские люди с оружием, но увещаниями благомысленных людей уже к вечеру междоусобие было укрошено, и князь со своими возвратился во двор. При всем том много псковичей тогда было поранено, а иные и убитыми остались на месте. Между тем пронесся слух, что княжеские дворцы в отмщение хотят зажечь город и при пожаре бить граждан. Поэтому псковичи поставили на площади вооруженную стражу на всю ночь, а на утро, собравши вече, отказали Ярославу от княжения и выслали его из города; к великому же князю 5 сентября 1477 года отправили с послами доносную гра-

моту. Но Ярослав не поехал из Пскова в ожидании великокняжеского повеления, да и сами псковичи уже не принуждали его к выезду. 20 сентября прибыли во Псков от великого князя два боярина – Иван Федорович Товарков и Юрий Иванович Шестак с дьяком Иваном и по его приказанию объявили, что псковичи ныне жалуются на князя Ярослава и его пригородских наместников за насилия, а прежде в Новгороде так не жаловались. Но Ярослав и тогда-де на самих их жаловался и ныне жалуется за отнимание виноватых по пригородам и за неоказывание ему прежней чести и уважения. А потому великий князь оставляет Ярослава во Пскове на княжение. Послы эти пробыли во Пскове две недели и, сверх многих причиненных псковичам убытков, делали разные притязания, требовали себе выдачи тех людей, которых Ярославовы пригородские наместники заковали, а псковичи расковали, или которые князю ослушливое слово молвили, а псковичи не вступились. Но им никого не выдали, ссылаясь на древние права своей вольности перед князьями своими, и объявили их правыми; «а с оставляемым у нас Ярославом, говорили они, нам жить не можно, если он продолжать будет насилие над нами; буди государева воля: а мы пошлем еще к нему послов просить о своих старинах». При отпуске послов подарили они Ивану Федоровичу 15, дьяку – пять рублей, а Юрий назначенных ему десяти рублей не принял; и дали им провожатых, которых, однако ж, на границе они ограбили, прибили и отняли у них коней и самое платье. Той же осенью, 18 октября 1477 года псковичи опять отправили двух посадников и двух бояр жаловаться на Ярослава великому князю, которого нашли они во Владимире. Но он, не выслушав их, отослал в Москву, а по возвращении дал им ответ: «Коли только отчина моя Псков тако учинили, что на двор нашего наместника, а своего князя Ярослава Васильевича находили, ино то сами из старины выступили, а не яз князь великий». Такой ответ ясно предвещал псковичам, чего им ожидать должно. Между тем до получения этого решения они продолжали платить Ярославу княжью пошину, и когда опочане, поймав одного коневого вора, не спросясь псковичей, сами повесили, то эти, взыскав с них пени 100 рублей, отдали их Ярославу. Псковские послы с вышеупомянутым ответом возвратились уже 2 января, а 12 февраля было прислано Ярославу повеление выехать из Пскова со всем домом и никого не оставлять. Поэтому он, сложив с себя крестное целование на вече, отправился 25 числа того же месяца. Пять дней ехал он псковскими волостями 40 верст до границы; две ночи простоял на Прощеницах, три – на Мелетове. Псковичи на всякой стан высылали ему из города корм, питье и все припасы с честью, но он, выехав из Мелетова за границу провожавших его сотских, старост губных и иных подвозчиков корма, и угощателей своих, – всего 18 человек, – связал и увез с собой в Москву. Псковская летопись говорит о нем: «Не бывал во Пскове ни за много времен толь князь злосерд, каков был он до Пскова и до псковских посадников; также и его наместники по пригородом многое множество над христианы насилие чинили». Вслед за ним 9 марта псковичи отправили к великому князю двух посадников и трех бояр со 100 рублями в подарок и с просьбой, чтобы он оставил у них старые права, дал бы им вольного князя Василия Васильевича Шуйского из Новгорода или Ивана Владимировича и отпустил уведенных Ярославом людей. Великий князь принял милостиво подарок, но из просьб их, кроме последней, ничего не исполнил, а при отпуске послов сказал: «А что о ваших делах моей отчины, а то яз к вам со всем своим наказом шлю своих послов». Может быть, не преминул бы он строго и наказать их, но предприятие похода на возмущившихся опять новгородцев, с которыми тогда в союзе были псковичи, заставило его на сей раз отложить усмирение сих, дабы не иметь вдруг себе двух неприятелей и дабы воспользоваться даже помощью последних против первых. Псковские послы возвратились 23 апреля, а 7 июня прибыл во Псков посол великокняжеский с повелением, дабы псковичи, разорвав союз с новгородцами, шли на них воевать. Не зная, чем решится эта жестокая война, долженствовавшая или защитить все древние республиканские северных областей права, или совершенно разрушить и уничтожить их, псковичи притворились, якобы не верят послам великокняжеским, и, желая будто бы от самого вели-

кого князя слышать изустное об этом повеление, отправили к нему одного своего посадника с боярами; а в то же время дали знать о том и новгородцам, предлагая им от себя посредничество и ходатайство о примирении. Но гордые новгородцы, надеясь на свои собственные силы, посредничества не приняли, а через послов своих просили только их не отставать от союза. Между тем великий князь присланным от Пскова подтвердил, чтобы они послу его верили, как самому себе, и в следующем сентябре 1478 года прислал опять к ним посла с повелением, чтобы они немедленно возвратили Новгороду свой мирный договор и шли туда с войском. Первое тотчас исполнили они, но от последнего долго отговаривались бывшим тогда у них пожаром, истребившим большую часть города, и оскудением. В грамоте своей об этом к великому князю они уже называли его «своим государем и царем всея Руси», чего прежде не писывали. Но великий князь ничего им не отвечал и посла их увел с собой в поход, а великокняжеский посол настоял во Пскове о сборе войска, объявляя себя назначенным для него воеводой. Псковичи, желая и тогда удержать права свои, употребили уже последнюю отговорку, что они не имеют у себя князя и тогда соберут и отпустят войска, когда великий князь определит к ним по выбору их князя, наместника своего, который дал бы им присягу и принял бы сам предводительство их войск. С этим ответом отправили они нарочных к государю, бывшему уже в походе и немедленно получили себе наместником князя Василия Васильевича Шуйского, который, прибывши к ним, дал 25 ноября требуемую присягу и через девять дней выступил с войском и с огнестрельным снарядом к Новгороду. Вслед за ним поехали семь посадников, многие дети посадничьи, бояре и дети боярские, из всех концов наряженные при войске, собранном со всех пригородов. Псковские купцы повезли туда же, в станы, припасы и разные товары на продажу. Сверх того, потребованы еще от Пскова мостники. По окончании войны этой, через 58 дней, все возвратились здоровы. Один только главный воевода, посадник Алексей Васильевич, скончался под Новгородом. Великий князь оказался доволен послушанием их, и оно-то спасло Псков на то время от участи старшего его брата Новгорода, лишённого тогда уже всей своей свободы и вольных прав и получившего себе вместо князя четырех великокняжеских наместников. В знак благоволения своего государь прислал городу Пскову серебряный с позолотой кубок и обещал им всегдашнюю защиту от лифляндцев и содержание в старине. Псковичи взаимно к нему отправили своих послов с благодарением, но не утерпели при том, чтобы не жаловаться на обиды от великокняжеских поверенных и посыльных, которые-де на вече подарков от Пскова не принимают, но на подворье и по городу с ругательством их требуют, а по городам и волостям делают насилия, отнимают лошадей и другие вещи. Однако ж эти жалобы оставлены были без уважения и даже без имоверия²⁷, а князь их Шуйский возвратился во Псков уже 11 февраля.

Вслед затем началась кровопролитнейшая и долговременная война с лифляндцами. Повод к ней подали сперва войска великого князя Ивана Васильевича, бывшие с ним в новгородском походе и после управы с новгородцами для добычи, бегая по северным их городам, вторгавшиеся и в лифляндские границы, за реку Нарву; а потом и сами псковичи, думавшие отомстить лифляндскому орденмейстеру Бернарду де Борху за то, что он весной 1479 года задержал в Риге псковских купцов, и хотя по ходатайству послов после отпустил их, но отнял их товары. То же сделали и дерптские, засадив в погреб 45 человек псковских купцов. Псковичи, отправив к ним послов для освобождения заключенных, сами заключили бывших во Пскове дерптских купцов в погреб в охабне стены, а между тем, собрав отряд, 27 сентября вторглись в дерптские земли, произвели там великое разорение и, нахватав много полона, возвратились. Три месяца после того лифляндцы ничего не начинали в отмщение, и псковичи надеялись оставаться спокойными, так что, когда великий князь Иван Васильевич в декабре прибыл опять в Новгород, то князь Шуйский, семь посадников и по боярину

²⁷ То есть эти жалобы нашли маловероятными. (Ред.)

из каждого конца, не предвидя Пскову опасности, отправились туда с подарком государю от города в 65 рублей и, сверх того, каждый с собственными подносами. В конце декабря великий князь взаимно прислал во Псков своих послов, но при них же пришло псковичам известие, что лифляндцы 6 января неожиданно напали на Вышгород, сожгли стену и Борисоглебскую там церковь, перерубили много людей, не щадя ни жен, ни детей, а несколько граждан и от пожара сгорело. Вестник об этом прибежал 7 января ночью, и в ту же пору дважды зазвонили в вечевой колокол, созвали народ, выбрали войско, и с ним посадники немедленно поспешили к Вышгороду, дабы застать там неприятеля, а на завтра, собрав с каждой сохи по одному конному, еще многие за ними туда же отправились. Но неприятель уже удалился и явился на другой границе псковской, под Гдовом. Оттуда также пришла весть во Псков, что 20 января весь посад около крепости этой сожжен им, а стены целую ночь разбиваемы были пушечными выстрелами, и часть ратных тогда же стояла под городком Кобыльем. Псковичи опасались уже ближайших нападений и потому назначили сбор своих ратных людей из всех пригородов к Изборску, а в Новгород к великому князю отправили гонца с просьбой о присылке вспомогательного войска. Великий князь немедленно прислал воеводу своего князя Андрея Никитича Ногтева с достаточным корпусом, который пришел во Псков 11 февраля и через три дня выступил к Изборску, где, союзуясь с псковскими войсками, пошел к Тростянскому погосту, а оттуда – через озеро к реке Амовже (Ембахе) осадил близ устья ее бывшую крепостцу, названную в летописи Костром, взял ее через три дня, нашел там много добычи, пушек и пороха, вывел в плен до 52 женщин и детей, а потом всю крепость сжег. Оттуда все войска двинулись к Юрьеву, или Дерпту, но, простояв под ним одни сутки, разорили только окрестности и со множеством пленных чухонцев и своих освобожденных возвратились во Псков. Неизвестно, почему столь краток был этот поход, но из последствия, что великокняжеский воевода через трое суток с неудовольствием из Пскова выступил в Москву, забравши с собой и пленных, можно заключить, что какие-нибудь несогласия были тому причиной. Псковичи вслед за ним посылали в Порхов двух посадников с просьбой о возвращении, но он не послушался, а лифляндский орденмейстер Бернгард фон дер Борх, как скоро сведал об удалении московских войск, то того же 25 февраля пришел под Изборск, надеясь врасплох взять его. Но увидев, что оставленные там для стражи псковские войска упорно отбиваются, дабы не терять времени, потянулся к озеру по псковским волостям, начал жечь их, так что дым и пламя видны были уже во Пскове. К несчастью, тогдашний Псковский князь, наместник Василий Васильевич Шуйский, был совсем неспособен к воинским делам, а при гордости и грубости своей к гражданам склонен был только к пьянству и грабежу. Поэтому, не надеясь на него, посадники собрали наскоро с волостей и пригородов войско, вооружились, чем кто мог, и 1 марта встретили неприятеля уже за устьем – в Пецкой губе, на озере. Там передовые полки обеих сторон сразились на виду главных своих войск, а пока происходило это сражение, лифляндцы отрезали шедший ко псковскому войску отряд из 300 ратников и весь наголову побили, так что псковичи тогда о том и не сведали. Этим кончился весь этот поход. Ибо главные войска, неизвестно почему, простояв с утра до вечера на виду одно против другого, не сразились. По крайней мере, орденмейстер, скрыв свое намерение напасть с другой стороны, не захотел идти вперед и ночью удалился, а псковичи, не рассудив за ним гнаться, возвратились и сами в город, но вскоре узнали, что он перешел через озеро на гдовскую сторону, выжег все псковские посады и врасплох 4 марта вечером осадил Кобылинскую крепость; со следующего утра начал разбивать стены ее пушками, потом по лестницам пустил ратников своих на город, но, увидев храбрую оборону, которой распоряжался тамошний посадник Макарий, приказал обложить стены дровами и зажег их. Дым и пламя принудили осажденных кидаться через свою ограду, но осаждающие били их камнями, кололи копьями и секли мечами, а весьма многие и погорели или задохнулись от дыма. Таким образом, была разорена эта крепость, в которой, по сказанию

Псковской летописи, находилось 3985 человек жителей, из которых оставшиеся в живых все уведены были тогда и с посадником Макарием в плен. Столь жестокое мщение навело страх на псковичей. Сверх того, слышали они, якобы орденмейстер, жалуюсь польскому и литовскому королю Казимиру на обиды их, просил и у него вспомогательное войско. Это вероятным казалось им и потому, что в Луцке литовский воевода ограбил одного псковского купца; также и в прочих литовских городах воеводы и мещане псковским купцам не позволяли торговать с немцами, а пленных русских, убежавших из Лифляндии через Литву, задерживали у себя. Посему вече псковское от имени своего князя Василия Васильевича Шуйского всех посадников из всего Пскова отправило к Казимиру посадника Василия Люшковича и боярина Юрия Ивановича с просительной грамотой о том, чтобы король не давал помощи орденмейстеру, не обижал бы в своем государстве псковских купцов, не запрещал бы им торговать с немцами и со всеми купцами, а литовцам запретил бы удерживать у себя псковских пленников. На это посольство Казимир отвечал псковичам своей грамотой с обещанием не помогать лифляндцам, а обиды, причиненные псковским купцам, рассмотреть и удовлетворить, и запретить пленных, убегающих из Лифляндии, в Литве задерживать. Но в той же грамоте жаловался он, что много и его подданных ограблено, задержано и побито во псковских волостях и что многократно на то приносимы бывали посадникам жалобы, но управы не было получено²⁸. Таким образом, псковичи со стороны Литвы хотя несколько и были успокоены, но лифляндский орденмейстер Бернард де Борх после разорения Кобылинской крепости дал им покой только на шесть месяцев и 18 августа опять явился с сильнейшим ополчением под Изборск. Он старался выжечь также и эту крепость, как прежде Кобылинскую, или разбить пушками. Но приметы к каменным ее стенам зажженного хвороста и дров ничего больше не произвели, кроме как дымом и пламенем мешали осажденным отражать неприятеля, а пушками долго было бы разбивать оную. Бросаемые в крепость тучи стрел с зажженными фитилями для произведения пожара внутри были также безуспешны. Поэтому, простояв два дня под стенами ее, не захотел он тратить больше времени, а пошел прямо ко Пскову. 20 августа явился он перед стенами псковскими и расположился на поле в Завеличье, которое до прихода еще его сами псковичи выжгли, дабы не дать ему пристанища, а в бродах выше города – на Выбуте, дабы не мог он перейти Великую реку, сделали завалы, и на стороже там поставлены были пригородские войска. Такую же стражу послали они и на устье реки Великой. Но это последнее место неудобно было к преграде, и на другой же день с озера по реке проплыли ко Пскову юрьевцы в 13 шнеках с военными и съестными запасами. Они, остановившись на лугу за монастырем Св. Стефана, расположили там свои батареи против Запсковья, а часть перевезли против Полонища и начали непрерывную стрельбу. В гражданах рождалась уже робость, так что многие стали разбегаться, и даже один посадник, Филипп Пукашов, ушел было, но был догнан. Сам князь их Шуйский приготовил уже оседланных лошадей для побега и едва был уговорен, и остановлен посадниками и боярами. Гонцы, посланные в Новгород и в Москву с просьбами о помощи, не возвращались, или, по крайней мере, ниоткуда не привозили обнадежения. Ибо великий князь был сам тогда занят войной с крымским ханом, а новгородцы после уничтожения своего потеряли бодрость. В этих тесных обстоятельствах один из граждан объявил посаднику Стефану бывшее себе в сновидении повеление благоверного князя Доманта, завещавшего снять покров с гробницы его и с крестным ходом обнести трижды по стенам. Обряд этот немедленно в следующую же ночь был совершен. Граждане все ободрились, и, когда неприятель, сев на шнеки под прикрытием батарей, стал делать высадку на Запсковье – между церквами Лазаревской, в

²⁸ Грамота этого псковского посольства и ответ Казимиров записаны в польской метрике и в конце приурочены индиктом 13, что приходится на 1480 год. Там же записаны и три Казимировы жалобные грамоты псковичам на обиды литовских купцов.

поле, и Спасской, за стеной, то есть на самый Варлаамский угол, – то народ, ринувшись на них с оружием, какое кто нашел, отразил их от берега, побил и потопил до 50 человек, а одним шнеком совершенно завладел. После этой неудачи неприятель покусился произвести пожар в городе, дабы отвлечь жителей. Они нагрузили два больших судна остатками горелого на Завеличье строения, сухим хворостом и соломой, обливши все это еще смолой, и поелику с Завеличья дул сильный ветер на город, то они зажженные суда эти пустили по реке – ближе к стенам, надеясь, что ветер, подняв горючие вещества через стены, раскидает их по градским зданиям, а сами приготовились переплыть на градский берег. Но и это покушение было неудачно, а в следующую ночь, к удивлению граждан, после пятидневной безуспешной осады Пскова орденмейстер со всеми войсками отступил и удалился в Лифляндию. Лифляндский летописатель Арндт приписывает это отступление, кроме недостатка в корме лошадям, опозданию Ревельского епископа, во время пущения зажженных судов и высадки на берег занимавшегося совершением литургии в стане своем, и робости Дерптского епископа при произведении высадки, после неудачи коей он же первый оставил союзные войска и прежде всех пошел со своими домой. Как бы то ни было, но несогласие неприятелей спасло Псков на сей раз почти от неминуемого взятия. Ибо сам же Арндт пишет, что войска лифляндского тогда было якобы 100 000, но в извинение ему говорит, что оно было большей частью из мужиков, не обученных военному искусству, а орденмейстер думал-де, что псковичи сразятся с ним на поле. При самой осаде они посылали к нему поверенных для переговоров, соглашались обменяться пленными и даже уступить ему некоторые земли, но он не умел воспользоваться этими предложениями. Впрочем, псковичи опасались еще возвращения его, и поелику не было им помощи ни от великого князя Московского, ни от новгородских наместников, а в Великих Луках стояли князья Андрей и Борис Васильевичи, по ссоре с братом своим великим князем Московским отошедшие от него и при себе имевшие до 10 000 войска, то псковичи обратились к ним с просьбой о защите и отправили в Великие Луки посадника Дорофея Гавриловича. Князья охотно согласились и со всеми войсками своими немедленно прибыли во Псков 3 сентября. Граждане поместили самих их в княжьем дворе, а войска их расположили в Остролавицком и Боловинском концах и на Полонищи.

Но когда начали просить их о походе в Лифляндию, то князья эти предложили им условие, чтобы приняты были во Псков на пребывание супруги их с семействами, не имеющие пристанища. Десять дней продолжались у граждан рассуждения и переговоры о сем, и наконец заметив, может быть, намерение князей завладеть и Псковом, они отвечали им, что принятие их семейств может показаться великому князю с их стороны неверностью и изменой, а потому они и не согласны. Такой ответ разгневал князей, и они 13 сентября вышли из Пскова с войсками своими, стали на Мелетове, а оттуда дали им свободу грабить псковские волости. Не пощажены были ни хлеб, ни скот, ни дворовые птицы, ни даже пол женский, ни церкви – все подвержено было грабежу и насилию; только огонь и меч не были употребляемы. Не оставалось другого средства унять их, как только подарками, а потому князь Шуйский, посадники и весь Псков выслали им 200 рублей от города и, сверх того, заплатили им еще окольные 15 рублей. Тогда удалились они из псковских волостей и перешли в новгородские. Псковичи в наступившую затем зиму послали в Москву к великому князю посадника своего Филиппа Пукашева с обстоятельным донесением о всем том и с просьбой о присылке вспомогательных войск на лифляндцев. Великий князь, снисходя к их просьбе, повелел двум новгородским своим наместникам – князю Василию Федоровичу Шуйскому и боярину Ивану Зиновьеву с посадниками, тысяцкими и новгородскими ратниками идти во Псков, а вслед за ними еще из Москвы отправил 20 000 войска с воеводами своими – князьями Иваном Васильевичем Булгаком и Ярославом Васильевичем Оболенским. Новгородцы прибыли ко Пскову 16 января и расположились на Полонище; а московские войска – 11 февраля и стали на Запсковье. По присоединении к ним и псковских войск – через

неделю, 18 февраля, – выступили все в Лифляндию тремя отделениями: первым – к Мариенбургу, вторым – к Дерпту, а третьим – к Валку и четыре недели разоряли тамошние селения почти до Риги. Множество богатства и пленных было их добычей. К несчастью неприятелей, зима тогда была весьма морозная и снежная, отчего многие убежавшие из селений в леса погибли там от стужи либо голода; а рыцари, совсем не ожидавшие нашествия, занимались тогда пьянством. Два города, Каркус (Тарваст) и Вельяд (Феллин), были взяты приступом. В последнем находился тогда орденмейстер Бернард де Борх, но за день до взятия его он ушел. Князь Василий Федорович Шуйский гнался за ним 50 верст и взял только брошенные им обозы и несколько при них людей. Замок Феллинский по взятии уже города 1 марта отдался князю Ивану Васильевичу Булгаку – с условием, что он заплатит за себя откуп и чтобы граждане его не были взяты в плен. Предложение было принято, и, сверх условленного откупа, князь взял еще себе 2000 рублей, а в добычу набрал до 50 колоколов, которые и отосланы были в Москву. Тем кончился весь поход этот, от которого можно было бы ожидать гораздо более при бескорыстии вождей. Впрочем, псковский летописец, описывая успехи этого похода, говорит: «Отмстиша немцем за свое в двадесятеро, или более, якоже нецны рекоша: Псков стал не бывало тако!» А орденмейстер после этой несчастной для него войны, увидев со стороны рижских граждан и самих рыцарей против себя возмущение, поспешил просить мира у великого князя Московского и заключил его в Новгороде на десять, а по сказанию других – на 20 лет; между тем, однако ж, сам рыцарями низложен был с начальства своего.

После окончания войны псковичи, давно уже недовольные князем своим Василием Васильевичем Шуйским, не умевшим защитить их от лифляндцев, просили великого князя вывести его из Пскова и согласились лучше принять к себе опять наместником князя Ярослава Васильевича Оболенского, бывшего тогда воеводой в лифляндском походе. Поэтому в 1482 году первый от них был выведен, а последний оставлен. Но вторичное правление этого князя не было спокойнее прежнего для псковичей, частью от их своевольтва, а больше от его властолюбия. Первые хотели удержать во всей силе вечевую свою власть, а последний вознамерился ограничить ее и над рабами их, или смердами, которые считались у них крепостными по древним записям их, или кабалам, и отправляли все общественные их работы и ремесла. Эти рабы в 1484 году, может быть попусшением самого же Ярослава, выкрали из вечевого ларя свои записи и не только перестали платить оброки, но и не исполняли своих и рабочих повинностей, а Ярослав, с некоторыми посадниками согласившись, написал даже им вольную грамоту и положил в вечевой ларь. Бояре и житые люди восстали против этого, и некоторых послушливых смердов в присутствии даже бывшего тогда во Пскове посла великокняжеского казнили, а иных посадили в погреб. Потом на вече написали мертвую грамоту, то есть смертный приговор, многим посадникам, из которых одного, Гавриила, 13 июня действительно убили, иных заключили, а дворы с имением их описали и запечатали. От этого некоторые посадники ушли тогда же в Москву. Великий князь, услышав о том, крайне прогневался, и когда псковские послы, двое посадников с боярами, прибыли для оправдания своих сограждан и для испрошения у него прощения, то он через них объявил псковичам повеление выпустить заключенных смердов и опальных посадников с домами их и имением освободить, а у князя Ярослава просить прощения в том, что они делали управу без его соизволения. Но псковский народ, получив сей указ, не исполнил и даже не поверил ему; а за неделю до Рождества Христова отправил к великому князю опять четырех посадников и десятерых бояр из всех концов города с просьбой о неотменении приговора их. Великий князь с гневом велел повторить им прежнее повеление. Народ и этому не поверил, думая, что сговорились послы их с ушедшими в Москву посадниками и со смердами. За этим произошли великая распря и мятеж между самими боярами и житыми людьми с посадниками, которые хотели по указу государеву исполнить в точности. Народ защищал первых и кричал

на вече: «мы правы» и требовал, чтобы в третий раз отправлены были к великому князю послы, которые, однако ж, на дороге разбойниками были убиты, а после Пасхи посланы еще и четвертые. Великий князь показал им больше прежнего гнев свой и подтвердил об исполнении повеленного. Тогда-то уже выпустили они смердов, и, вынудив из ларя мертвую грамоту, написанную на посадников, уничтожили, и их с именем освободили; а осенью, перед праздником Воздвижения, князь Ярослав с посадниками и боярами ездил сам в Москву просить прощения у великого князя, который в ответ на то «повелел по всей старине Пскову жити». Но вскоре затем одному священнику случилось у норовских смердов найти украденную ими грамоту, или запись, без которой псковичам нельзя уже было принуждать их к работам и даням. Один смерд вырвал из рук священника эту грамоту и спрятал. По доносу о сем опять началось смятение во Пскове. Смерда того посадили в погреб, и поелику в то же время начали приезжать из пригородов и волостей во Псков обиженные люди с жалобами на наместников князя Ярослава и на самого его, то псковичи отправили боярина Андрея Семеновича Рублева и других с доносом великому князю как о смерде, скрывшем грамоту, так и о княжьих обидах. Но князь великий с гневом принял посланных и отвечал, что дело о вольности смердов он им уже решил и вину им отпустил; ныне же опять на то же они покушаются; а на князя Ярослава ни одной жалобы не принял и обещал только прислать к ним своих бояр для расправы. Наконец, освободились они от Ярослава уже со смертью его, случившейся в 1487 году от бывшей во Пскове тогда моровой язвы.

После чего более года управлялись они своими посадниками. Но в 1488 году опять прислан был им от великого князя наместник князь Семен Романович, княживший у них три года; после него – с 1491 года князь Василий Федорович, у них в 1496 году и скончавшийся; после него – князь Александр Владимирович Ростовский с 1496 по 1501 год. Все они определяемы были великим князем без выбора и желания псковичей и потому были им не угодны. Тщетно уже ссылались они на древние свои права и на прежние грамоты, не уважаемые ни великим князем, ни наместниками его, хотя вовсе еще и не уничтоженные. Тщетно желая удержать свою свободу, каждого присылаемого к ним наместника великокняжеского приводили они на вече или в соборе к присяге, чтобы он не нарушал их старинных уставов и не требовал пошлин, более положенных по древним грамотам. Каждый в том присягал им, но ни один не исполнял; а в 1499 году они, услышав, что великий князь Иван Васильевич дал сыну своему Василию титул великого князя Новгородского и Псковского, потому что на великое княжение Московское короновал уже внука своего Дмитрия, вообразили, что учреждением у новгородцев и у них особого самодержавного правления хотят отделить их от России. Посему посылали они в Москву своих посадников и по три боярина из каждого конца с просьбами не делать у них особого великого княжения, а оставить в зависимости от великого князя Дмитрия. Но великий князь Иван Васильевич прогневался на них и двух посадников повелел засадить в костер²⁹, в котором и содержались они около полугода, а после выпуска их прислал к псковичам для успокоения их боярина своего Ивана Чоботова с объявлением прощения за их дерзость. Псковичи приняли этого посла, угостили его и при отпуске подарили ему десять рублей: но те не успокоились и питали в себе тайное неудовольствие против великого князя. Посему когда в 1501 году выехал от них князь Александр Владимирович, то они выбрали и сами призвали на княжение Ивана Ивановича Горбатого. Но в то же время сильное нашествие лифляндцев заставило их смириться и просить великого князя о помощи и защите. Деятельнейший из лифляндских орденмейстеров Вальтер фон Плетенберг заключил тогда в Вендене с польским королем и с литовским великим князем Александром, зятем великого князя Московского Ивана Васильевича, с епископами Рижским, Курляндским, Эзельским, Ревельским и Дерптским и всеми лифляндскими владель-

²⁹ Костер в древнерусском языке имел значение, кроме известного, башни или сруба. (Ред.)

цами договор против России с условием: не мириться никому одному без других в продолжение десяти лет. Надеясь на таковой союз, лифляндцы немедленно захватили 25 псковских судов с 150 купцами, плывшими по озеру для торгов с ними, и более 200 купцов русских, живших в Дерпте, также ограбили и заключили в темницы. Псковичи трижды отправляли к ним послов своих с требованием удовлетворения ограбленных и выпуска заключенных. Но каждый посол был там задерживаем до прибытия другого, и удовлетворения никакого не было сделано. А вслед затем Плетенберг около середины августа месяца с 4000 конных, несколькими тысячами орденской пехоты и со множеством вооруженных крестьян вступил во псковские пределы и начал разорять волости. Псковичи, не надеясь сами защитить себя, еще заранее, услышав только о сборах орденмейстера, послали к великому князю Московскому просить защиты. Поэтому к ним наряжен был с новгородскими войсками князь Василий Васильевич Шуйский, а вслед за ним прибыл еще князь Даниил Александрович Пенков с тверскими и московскими. Но воеводы эти простояли без действия три недели во Пскове, отговариваясь тем, что им велено защищать только Псков; а между тем каждый день требовали войскам своим по 100 зобниц³⁰ овса, по 100 стогов сена и на прокорм людей по 25 рублей. Четыре раза псковичи посылали с просьбами в Москву к великому князю, также занятому тогда войной с поляками и литовцами, и наконец получили указ – выступить воеводам с Псковским князем Иваном Горбатым и с псковскими войсками в поход против вторгшегося уже неприятеля. Сверх нарядных псковских войск нашлись еще добровольные из псковичей охотники разезжать по озеру на судах для поисков. Но этот отряд ничего не успел, а соединенные войска, коих лифляндские историки полагают якобы до 40 тысяч, вышли из Пскова 22 и 23 августа к Изборску и за оным в десяти верстах, на реке Серице, встретили Плетенберга. Там 27 августа на первой сшибке псковичи, бывшие впереди, потеряли посадника своего Ивана Теншина, а московские войска – воеводу Ивана Борисовича Бороздина. Первые, не потерпевши, впрочем, никакого еще другого важного урона, смутились и подались назад, а другие последовали за ними – и, наконец, все обратились в тыл. Некоторые летописи говорят, что лифляндцы напали на них врасплох, так что воеводы не успели еще вооружиться, и оттого все побежали обратно ко Пскову мимо Изборска, бросая даже оружие и обозы свои, которые, досадуя на них, изборяне грабили. Но лифляндцы и не гнались за ними,

а обратились на Остров, который, осадив 7 сентября, сперва стены крепости разбили пушками, а потом выжгли. Из 4000 жителей этого города иные были побиты, иные пленены, а многие погорели. Оттуда уже поворотили они к Изборску и провели под его стенами одну ночь. Наутро, сделавши вид, что будто бы отступают и удаляются, скрылись в засаде. Изборяне вздумали преследовать их, но засадные нечаянно появились, гнали их до стены и всех перерубили, а 130 человек забрали в плен. С другой стороны литовцы подступали к Опочке, однако же не взяли оной. Те и другие потом потянулись по берегу Великой реки ко Пскову и везде грабили, и сжигали прибережные селения. Псковские отряды перестреливались с ними только через реку и особенно на бродах, дабы они не переходили, но остановить их были не в силах. Вдруг, однако, лифляндцы сами остановились и возвратились домой. Гадебуш пишет, что причиной этому был кровавый понос в рыцарских войсках, от недостатка соли случившийся и много людей умертвивший. Между тем подошли во Псков из Москвы новые войска русские и татарские под начальством князей Данилы Александровича Пенка-Ярославского, Данилы Васильевича Щеня и Александра Васильевича Оболенского. Соединившись со псковскими войсками, предводительствуемыми Псковским князем Горбатым и назначенными в левое крыло, они в глубокую осень, в конце октября, несмотря на непогоду и худые дороги, вступили в Лифляндию, опустошили все около Мариенбурга, Нейгаузена и

³⁰ Торб. (Ред.)

Дерпта, осаждали и брали крепости и замки, но близ Гельмета 24 ноября за полночь неожиданно, в самую темноту, напал на московские войска с сильной артиллерией неприятель. При самом начале сражения был убит воевода передового полка князь Александр Васильевич Оболенский. Битва была в беспорядке и кровопролитнейшая. По сказанию лифляндцев, пало здесь россиян до 2000, однако ж они одержали верх, сломили совершенно неприятеля, устлали трупами их поля расстоянием на десять верст и били их, по словам Псковской летописи, как свиней, уже не мечами, а шестоперами, и не оставили даже вестников. Псковские войска, бывшие позади, даже и не ведали о сем, а доехали до поля сражения уже на третий день. Между тем московские полки прошли от Дерпта к Нарве и почти до Ревеля, а возвратились во Псков через Ивангород. Лифляндские летописцы признаются, что в сей поход побито и пленено их войск и народа до 40 000.

Зима прошла тихо. Но весной, 9 марта, неожиданно лифляндцы напали на Ивангород, убили там воеводу Ивана Андреевича Лобана-Колычева с товарищами и до 200 человек ратников, а за бежавшими гнались до крепости Ямы; на возврате сожгли Ивангородское предместье и удалились. С другой стороны 17 марта подступили они к городу Красному, взяли волость Коровий Бор и окрестности, семь дней грабили и жгли, а поселян убивали. Следующее лето опять протекло спокойно с обеих сторон. Но к осени орденмейстер Плетенберг явился опять во псковских пределах с 7000 конницы, 1500 орденской немецкой пехоты, 5000 курляндцев и латышей, с толпой эстляндских крестьян и с великим запасом тяжелых орудий. 2 сентября, к ночи, подступил он под Изборск, разбил несколько стен пушками, но, не желая тратить времени на взятие крепости, в следующее же утро двинулся ко Пскову, а 6 сентября был уже против стен градских на Завеличье, которое до прихода его выжжено было самими псковичами. Уставив свои батареи наипаче против стен Крома, или Кремля, он открыл ужасную стрельбу на город, из которого со стен также ответствовали ему и не допустили его сделать никакой переправы через реку. Поэтому, дабы себе открыть безопаснейший переход, пошел он вверх на броды, к Выбуту. Псковичи наперед из осторожности сделали там против бродов стену и на страже имели сильный отряд, который встретил его мужественно; удержать, однако же, не смог, и он, перешедши Великую реку по бродам, явился с другой стороны под городом – у Полонища, недавно перед тем только огражденного новой деревянной стеной до Гремячей горы; а застенные посадки все были выжжены, дабы не дать укрытия неприятелю. Под пушечной обоюдной стрельбой два дня войска его покушались всходить на стены, но всегда сильно были отбиваемы. Между тем узнал он, что сзади его приближаются уже московские и новгородские войска. Сие заставило его немедленно отступить от города, и, дабы затруднить переход упомянутым войскам, сжег он на реке Черехе мост, а сам опять на бродах перешел за Великую реку. Как скоро пришла вспомогательная сила, то по прежней своей дороге удалился он вовсе от Пскова на 30 верст, но воеводы московские Даниил Васильевич Щеня и Василий Васильевич Шуйский, не теряя времени, соединились со псковскими войсками, поспешили вслед ему и обошли его за Изборском. Там 13 сентября встретились они с ним при озере Смолине и на Могильнике. Целый день четыре раза окружали они неприятеля, который, однако же, каждый раз пробивался. Наконец, Плетенберг употребил военную хитрость, показав вид, будто бы уклоняется от сражения и бросает свои обозы. Русские ратники безрассудно бросились тотчас на обозы для добычи, перерубили всех обозных чухонцев, а при грабеже начали даже драться и между собой. От сего всех почти полков ряды расстроились, многие вышли из повиновения, и когда Псковский князь Иван Иванов Горбатый начал своих разбежавшихся по кустам загонять в строй, то они обругали даже его и дали ему прозвище опремом и кормихном. А между тем Плетенберг, открыв сильную стрельбу из артиллерии, смутил еще более русские войска, которые, в беспорядке наскакивая на его стройные ряды, сами от них падали толпами. Между ними пали также на поле сражения храбрые русские вожди: князь Федор Александрович Кро-

поткин, Григорий Дмитриевич Давидович, Юрий Тимофеевич Юрлов и многие дети боярские. Наконец, русские устроились, напали дружно и отбили неприятеля с великим уроном. 1500 человек его пехоты были совершенно рассеяны, а около 400 положены на месте. Наступившая уже ночь заставила разойтись обе стороны. Лифляндские летописи приписывают все преимущество и победу своим, считают всего бывшего тогда нашего войска, кроме 30 000 татар, одних русских 90 000, а иные до 100 000, из коих якобы побито 40 000, а своих только 400 пехоты и несколько конных с немногим числом офицеров, и говорят, что таковая потеря принудила русских отступить, а орденмейстеров войска якобы на месте сражения три дня отдыхали, от усталости не в силах будучи преследовать. Сам Плетенберг из хвастовства уставил у рыцарей праздновать навсегда день якобы победы своей 13 сентября и дал пехоте своей наименование железной³¹. Но множество лифляндских пленников, долго и после сего в России остававшихся, о выпуске коих в 1505 году ходатайствовали у великого князя Московского римский кесарь Максимилиан и Филипп, король испанский, опровергает сие хвастовство. Даже некоторые из самих лифляндских историков не оспаривают у русских преимущества в сем сражении, а приписывают оное только измене одного лифляндского рыцаря, а по сказанию Гильзену – ротмистра, с целым немецким полком своих рейтаров будто бы перебежавшего на нашу сторону и наведшего русских на лифляндскую пехоту. То же подтверждает и вскоре после сей войны заключенное на шесть лет перемирие, которое сам Плетенберг называл для Лифляндии постыдным. Оно состояло из 54 статей, большей частью прежних обязательств, и между оными подтверждено было старинное – о повинности Дерптского епископа, за поручительством орденмейстера, платить России поголовную дань и оброк новгородским и псковским церквам. А во Пскове мирный сей трактат празднован был колокольным звоном и пушечной стрельбой.

³¹ А. Гильзен в своей лифляндской истории пишет, что Рижский архиепископ Гильдебрант установил сие празднование не 13, а 14 сентября – на день Воздвижения Честного Креста, предписав по всей Лифляндии около каждой церкви совершать хождение с обношением Святых Тайн и с пением гимна *Te Deum laudamus* [Славословим Тебе, Господи (лат.). – Ред.] с припевом на конце: *grates nunc omnes reddamus Domino Deo, qui sua benignitate nos liberauit de Ruthenica potestate* и со стихом *Huic oportet et cet* [Ныне милостию Твоею, Господи Боже наш, многие вернулись, Тебя, Который благоволил избегнуть нам владычества Рутении (т. е. России)... Ныне следует и прочее (лат.). – Ред.]. Сей церемониал напечатан и в рижском бревиарии (молитвеннике), изданном в Амстердаме в 1513 году, и с того-де времени русские обыкновенно называли рыцарей лифляндских железными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.